

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

НУМИЗМАТИКА И ЭПИГРАФИКА

№ 6
2017

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№ 6 2017

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, док. ист. наук А.Г. Ситдииков

Ответственный редактор:

канд. ист. наук И.М. Миргалеев

Научные редакторы разделов:

нумизматика – к.и.н. П.Н. Петров
эпиграфика – к.и.н. Д.Г. Мухаметшин

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Редакционный совет:

Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуныков М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю.**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:

Ситдииков А.Г., д.и.н. (Казань); **Джудит Колбас**, доктор наук (Кембридж, Великобритания); **Мухаметшин Д.Г.**, к.и.н. (Болгар); **Миргалеев И.М.**, к.и.н. (Казань); **Настич В.Н.**, к.и.н. (Москва); **Али Раджабли**, д.и.н. (Баку, Азербайджан); **Петров П.Н.**, к.и.н. (Нижний Новгород); **Мухамадиев А.Г.**, д.и.н. (Казань); **Валеев Р.М.**, д.и.н. (Казань); **Ртвеладзе Э.В.**, д.и.н. (Ташкент, Узбекистан); **Сингатуллина А.З.**, к.и.н. (Казань).

Редакционная коллегия номера:

к.и.н. И.М. Миргалеев, к.и.н. П.Н. Петров, к.и.н. Д.Г. Мухаметшин

Адрес редакции:

420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203

Телефон: (843)210-19-76

E-mail: archeosteppe@gmail.com

https://www.evrastep.ru

ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

№ 6 2017

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Executive editor:

Doctor of Historical Sciences **Il'nur M. Mirgaleev**

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocaru Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Véronique**, Dr. Hab. (D'aix-en-provence, France); **Janhunen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial board:

Ayrat G. Sitdikov, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Judith Kolbas**, Doctor of Sciences (Cambridge, Great Britain); **Dzhamil G. Mukhametshin**, Candidate of Historical Sciences (Bolgar); **Ilnur M. Mirgaleev**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Vladimir N. Nastich**, Candidate of Historical Sciences (Moscow); **Ali Radjabli**, Doctor of Historical Sciences (Baku, Azerbaijan); **Pavel N. Petrov**, Candidate of Historical Sciences (Nizhny Novgorod); **Azgar G. Mukhamadiev**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Ramil M. Valeev**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Edward V. Rtveladze**, Doctor of Historical Sciences (Tashkent, Uzbekistan); **Alfira Z. Singatullina**, Candidate of Historical Sciences (Kazan).

Editorial Board of the issue:

Candidate of Historical Sciences **Ilnur M. Mirgaleev**
Candidate of Historical Sciences **Pavel N. Petrov**
Candidate of Historical Sciences **Dzhamil G. Mukhametshin**

Editorial Office Address:

Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com

https://www.evrastep.ru

Содержание

<i>Ситдииков А.Г.</i> Слово главного редактора	6

НУМИЗМАТИКА

<i>Камышев А.М.</i> Монеты на Великом Шелковом пути (Кыргызстан)	7
<i>Енуков В.В., Енукова О.Н., Лебедев В.П.</i> Шуклинский клад дирхамов X века и его археологический контекст	14
<i>Лебедев В.П., Амосов М.А.</i> Клад куфических дирхамов X в. из Тульской области	37
<i>Гомзин А.А.</i> Дирхамы Ка'усидов Табаристана в Поочье	45
<i>Лебедев В.П., Рисплинг Г.</i> Беловский клад куфических дирхамов первой четверти X в. из Курской области	51
<i>Пигарев Е.М., Сяолинь Ма.</i> Находки китайских монет на золотоордынских городищах Нижнего Поволжья	65
<i>Мухаметшин Д.Г., Газимзянов И.Р.</i> Нумизматический материал из раскопа СХХХП	69
<i>Бугарчев А.И., Степанов О.В.</i> Надчеканенные пулы XIV века из Иске-Казани	79
<i>Недашковский Л.Ф.</i> Монетные находки с Увекского городища по архивным данным	84
<i>Пигарев Е.М.</i> Редкие джучидские монеты с Селитренного городища	98
<i>Астафьев А.Е., Петров П.Н.</i> Полуостров Мангышлак в морском торговом сообщении эпохи Золотой Орды (археолого-нумизматическое исследование)	101
<i>Нарожный Е.И.</i> Монетные находки XIII–XV вв. в погребениях: некоторые аспекты семиотических оценок известных артефактов	116
<i>Савоста Р.Ю.</i> Монеты Хаджи-Тархана и Сарая конца XIV века	128
<i>Миргалеев И.М., Багаутдинова Х.З.</i> Каталог из прошлого: описание собрания монет профессора Н.А. Толмачева	147
<i>Довуди Д.</i> Находки джучидских и чагатаидских монет в Таджикистане	149
<i>Bragin A.O., Petrov P.N.</i> Timurid coins discovered in Dev-Kesken-qala	159

ЭПИГРАФИКА

<i>Сайфетдинова Э.Г.</i> Судьба золотоордынской принцессы Тулунбай по данным средневековых арабских сочинений	167
<i>Гайнутдинов А.М.</i> Эпитафия на памятнике Исенея Яушева: источниковедческий анализ	171
<i>Миргалеев И.М.</i> Старокалмашевская надмогильная плита и вопросы этнической интерпретации населения Приуралья в средние века	174
<i>Аминов Б.Б.</i> Надгробные надписи святыни Мир-и Джанди Ата (Гузарский район Кашкадарьинской области Республики Узбекистан)	179
<i>Гариф Н.Г.</i> Хронологизация и районирование эпиграфических памятников Казанского ханства: проблемы и предварительные результаты	185
<i>Мухаметшин Д.Г.</i> Возникновение традиции установления болгаро-татарских намогильных памятников. Дрожжановский район РТ	189
<i>Зайцев И.В.</i> Надгробие Худайкула (Петра) в Московском Кремле	196
<i>Тычинских З.А.</i> Эпиграфические памятники сибирских татар	200
<i>Усеинов М.А.</i> Старокрымские мусульманские надмогильные памятники золотоордынского периода (на примере подтипа в форме восьмигранной призмы без фигурного навершия)	205
Заметка от редакции	210
Фототаблицы	211
Список сокращений	267

Contents

<i>Sitdikov A.G.</i> Foreword by the Chief Editor	6

NUMISMATICS

<i>Kamyshev A.M.</i> Coins on the Great Silk Road (Kyrgyzstan)	7
<i>Enikov V.V., Enikova O.N., Lebedev V.P.</i> Shuklinsky hoard of 10 th century dirhams and its archaeological context	14
<i>Lebedev V.P., Amosov M.A.</i> A hoard of 10th century Kufic dirhams from Tula region	37
<i>Gomzin A.A.</i> Dirhams of Ka'usids from Tabaristan in the Oka region	45
<i>Lebedev V.P., Rispling G.</i> Belovsky hoard of Kufic dirhams dated first quarter of the 10 th century from Kursk region	51
<i>Pigarev E.M., Xiaolin Ma.</i> Chinese coins discovered at the Golden Horde settlements of the Lower Volga region	65
<i>Mukhametshin D.G., Gazimzyanov I.R.</i> Numismatic material from excavation 132	69
<i>Bugarchev A.I., Stepanov O.V.</i> Countermarked pulis dated 14th century from Iske-Kazan	79
<i>Nedashkovsky L.F.</i> Coins discovered at Uvek settlement on the basis of archival materials	84
<i>Pigarev E.M.</i> Rare Juchid coins from Selitrennoye settlement	98
<i>Astafiev A.E., Petrov P.N.</i> Mangyshlak Peninsula on the sea trade routes of the Golden Horde period (Archaeological and Numismatic Study)	101
<i>Narozhnyi E.I.</i> Coins dated 13–15 th centuries discovered in burials: certain aspects of semiotic evaluations of known artefacts	116
<i>Savosta R.Yu.</i> Late 14 th century Xacitarxan and Sarai coins	128
<i>Mirgaleev I.M., Bagautdinova Kh.Z.</i> Catalogue from the past: description of Professor N.A. Tolmachev's collection of coins	147
<i>Dovudi D.</i> Juchid and Chagatai coins discovered in Tajikistan	149
<i>Bragin A.O., Petrov P.N.</i> Timurid coins discovered in Dev-Kesken-qala	159

EPIGRAPHY

<i>Saifetdinova E.G.</i> The fate of the Golden Horde Princess Tulunbai according to medieval Arab writings	167
<i>Gainutdinov A.M.</i> Epitaphy on the Monument to Isenei Yaushev: Source Analysis	171
<i>Mirgaleev I.M.</i> Starokalmashevo gravestone and the issues of the ethnic interpretation of Pre-Ural population in the Middle Ages	174
<i>Aminov B.B.</i> Gravestone inscriptions of the Mir-i Jandi Ata shrine (Guzar District in the Qashqadaryo Region of the Republic of Uzbekistan)	179
<i>Garif N.G.</i> Chronology and regionalization of the epigraphic monuments of Kazan Khanate: issues and preliminary results	185
<i>Mukhametshin D.G.</i> Emergence of a tradition to erect Bolgar-Tatar grave monuments. Drozhzhanovsky District of the Republic of Tatarstan.....	189
<i>Zaitsev I.V.</i> Khudaikul's (Peter's) tombstone in the Moscow Kremlin	196
<i>Tychinskikh Z.A.</i> Epigraphic monuments of the Siberian Tatars	200
<i>Useinov M.A.</i> Sary Krym Muslim gravestones of the Golden Horde period (exemplified by a subtype in the form of an octagonal prism with no figured top section)	205
Remarks by the Editorial Board	210
Photo Tables	211
List of Abbreviations	267

**МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ XIII–XV вв. В ПОГРЕБЕНИЯХ:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЕМИОТИЧЕСКИХ ОЦЕНОК
ИЗВЕСТНЫХ АРТЕФАКТОВ**

Е.И. Нарожный

**COINS DATED 13–15TH CENTURIES DISCOVERED IN BURIALS:
CERTAIN ASPECTS OF SEMIOTIC EVALUATIONS OF KNOWN ARTEFACTS**

Акционерное общество «Наследие Кубани»

Обращаясь к давней проблеме – теме определения знакового смысла медных и серебряных монет в системе погребальных обрядов кочевого и оседлого населения Золотой Орды, автор приводит примеры вариантов различного толкования таких монет. Помимо пробитых монет, рассматриваемых как украшения, обереги или талисманы, непробитые монеты объясняются более вариабельно, но наиболее приоритетными являются их определения как «оболов Харона» («оболов мертвых»), «кладов» или «заупокойного дара». Доминирующая версия об «оболах Харона» как реминисценция древней «греческой традиции» справедливо «сталкивается» с отчетливым ее противоречием традиционным религиозным воззрениям разноэтничных кочевников Золотой Орды. К тому же наличие в таких захоронениях труположения взнузданных коней (вариант – чучела коня или же только деталей конского снаряжения), как и остатков деревянных повозок в традиционных представлениях тюрок не только посвященных умерших, но и «переносящих» умерших в загробный мир, вероятно, сильно девальвируют роль мифологического Харона, диктуя потребность в ином толковании семиотики монет. В статье ставится под сомнение и возможность атрибуции таких монет как «кладов». Относясь к находкам монет, прежде всего, как к еще одной разновидности вещевого набора, сопровождающего захоронение, монеты, скорее всего, необходимо рассматривать как «деньги» и «платежные средства», предназначенные для использования в потустороннем мире и только потом как нумизматический источник.

Ключевые слова: нумизматика Золотой Орды, монеты в погребениях, «обол Харона», монетный клад, монеты-украшения, монеты- погребальный инвентарь.

The author addresses the lingering issue of determining the symbolic meaning of copper and silver coins within the system of mortuary rites practised by the nomadic and settled population of the Golden Horde, providing examples of the various interpretations of the coins. In addition to punctured coins regarded as adornments, charms or talismans, non-punctured coins are interpreted with more variability. However, of highest priority are their interpretations as “Charon's obols” (“obols of the dead”), “hoards” or “funerary gifts”. The predominant version of “Charon's obols” as a reminiscence of the ancient “Greek tradition” rightfully “collides” with its distinct contradiction to the traditional religious views of multi-ethnic Golden Horde nomads. In addition, the presence of bridled horse bodies in such burials (a variation in the form of a stuffed horse or details of horse equipment), as well as the remains of wooden carts in the traditional perceptions of the Turks not only dedicated to the dead, but also “carrying” the deceased to the afterlife, presumably greatly devalue the role of mythological Charon, dictating the need for a different interpretation of coin semiotics. The article also questions the possibility of attributing such coins as “hoards”. Primarily considering the coin findings as another version of funerary inventories accompanying the deceased, coins should probably be regarded as “money” and “means of payment” designed for use in the afterlife, and only then considered as a numismatic source.

Keywords: Golden Horde numismatics, coins discovered in burials, “Kharon's obol”, coin hoard, coin adornments, grave inventory coins.

Рассматриваемая проблема касается восприятия монетных находок, археологически выявляемых внутри погребальных комплексов эпохи Золотой Орды. В рамках этого научного интереса достаточно длительное время исследователи пытаются найти возможность определения реальной функционально-смысловой нагрузки таких монет, осознанно и преднамеренно помещавшихся в

погребения не только кочевого, но и оседлого населения Золотой Орды, а также соседних с ней приграничных территорий, в систему политико-экономического диктата Золотой Орды не входивших. Дискуссионная и уже имеющая свою собственную, хотя и не очень-то обширную историографию, проблема, вне всякого сомнения, обречена на дальнейшее обсуждение, плодотворность которого видится и в широком подключении к нему других специалистов.

Находки монет, вне зависимости от того, сколько их содержалось в одном погребении, всегда вызвали особое к себе отношение: одно время в специальной литературе разгорелся даже, хотя и непродолжительный, спор: как воспринимать подобные находки, выявленные в результате археологических раскопок? Рассматривать их только как «археологический источник» или же относиться к ним только как к «нумизматическим источникам»? (обзор см.: [42, с. 73]). Позднее, по мере постепенного увеличения количества погребальных комплексов поздних кочевников, стали формироваться разнообразные точки зрения на этот счет, вызвав к жизни несколько вариантов оценок возможного восприятия находок таких монет и из захоронений.

В 2000 г. в обстоятельной статье, специально посвященной интересующей нас проблеме: «Монеты в погребениях Золотой Орды», ее автор Е.М. Пигарёв вполне справедливо указывает на весьма скудный историографический «багаж» работ предшествовавшего времени по интересующей нас проблеме. "Применительно к золотоордынской эпохе, – пишет он, – в археологии этот вопрос не поднимался, а каких-либо специальных этнографических наблюдений, связанных с этим обрядом, не предпринималось" [41, с. 283]. С утверждением можно согласиться лишь отчасти. В качестве примера укажем, например, на несколько научных работ конца 1950-х гг. Среди них – публикация нескольких кочевнических захоронений из Казахстана (долина р. Нуры), в одном из которых было сразу три серебряные монеты XIV в., помещенные в кошелёк [16, с. 257–260]. Автор раскопок уже тогда попытался хотя бы как-то объяснить причины появления указанных монет в захоронении кургана №5: как пишет исследователь, все найденные монеты – чеканки представителей правившей в то время «монгольской династии Джагатаидов», битых в «Самарканде, Бухаре и Термезе». Автор раскопок предположил даже, что «на всех монетах», якобы, «умышленно было стерто имя хана или иного владельца, от имени которого были выпущены эти монеты» [16, с. 259]. Предположение это, скорее всего, ошибочно: стёртость монет была связана, наверное, с длительностью их хождения в обороте; стёртости, попавшие на место расположения имен ханов - случайность. Главной же особенностью А.К. Маргулан посчитал то, что эти монеты, якобы, «не так сильно отражают влияние ислама, они почти свободны от догматических формул и пышной мусульманской титулатуры, характерной для более позднего времени», и все они «сохраняют языческие знаки собственности (тамга) и орнаментальные изображения ...». Сам же «обычай снабжения умершего деньгами, считал специалист, был характерен, главным образом, для погребений поздних кочевников. Его же возникновение он связывал с «дальнейшим усилением классовых противоречий и первым распространением среди них денег как товара товаров». Не исключая возможность увязки этой традиции с «половецкими и печенежскими захоронениями», исследователь подчеркивает, что данная традиция «имеет место и в погребениях кочевников еще в конце XIV и в начале XV вв.», в это время «встречается еще сильнее», хотя и оказывается сильное противодействие со стороны ислама. Свои наблюдения автор заключал тем, что «курганы поздних кочевников с нумизматическими находками по обычаю и инвентарю очень сходны между собой и имеют много общего» [16, с. 159–160]. Вместе с тем, исследователь отмечал редкость встречаемости монет в кочевнических захоронениях XIII в., связывая это с последствиями монголо-татарского вторжения, нарушившего прежние связи торгово-экономического характера и пр. [16, с. 181].

Наличие тех же самых монет в погребении пытался объяснить и В.Е. Массон, лаконично заметив: «обычай снабжать покойника деньгами еще в XIII-XIV вв. имел в Средней Азии, в языческой среде, несомненно, довольно широкое распространение» [17, с. 265].

Ситуация меняется несколько позднее, на что указывает еще одна публикация казахских ученых. Будет уместным обратиться и к мнению М.К. Кадырбаева и А.З. Бурнашевой. Публикуя «погребение кипчака»¹, в котором оказалось две серебряные монеты [14, с. 48, рис. 4,а-б, с. 49], они определили эти монеты, позволило им отнести захоронение кочевника к первой пол. XIV в.

¹ Сегодня такая этническая атрибуция может показаться ошибочной, поскольку северная ориентировка погребенного, сопровождение захоронения остатками туши барана и пр. – признаки, больше характерные для кочевников-монголов.

Обе монеты, как отмечается в публикации, находились в *разных* частях захоронения: первая из монет была обнаружена «во рту погребенного» [14, с. 44, с. 49]. Вторая монета находилась «в пальцах левой руки» того же погребенного. Вероятно, пишут оба автора, «в момент захоронения она была вложена в руку, а затем ... сместилась к указательному пальцу» [14, с. 44]. Объясняя возможные причины использования монетных находок в погребальной обрядности, исследователи подчеркнули: во-первых, сам этот факт должен восприниматься как свидетельство того, что кочевники были втянуты в систему прижизненных денежных отношений. Во-вторых, нахождение монет «во рту» и «в руке» погребенного исследователи назвали «этнографической деталью погребального обряда», поскольку «положение монеты во рту и в руке погребенного» было «отмечено во многих странах с первых веков н.э. вплоть до недавнего времени». Обряд этот, - продолжают они, - исследователи объясняют по-разному: «в греческой мифологии монеты во рту погребенного служили платой за переправу через реку, разделявшую потусторонний мир от реального. Но такая трактовка обычая едва ли приемлема для племен и народов древнего и средневекового Казахстана, погребальный обряд и религиозные представления которых не имели ничего общего с греческой моделью». В результате «наиболее правдоподобной версией» указанные авторы выбрали точку зрения «Дж. Г. Фрезера, предположившего, что первоначальный обычай класть покойнику в рот какую-либо пищу несколько изменился, во рту стали оставлять деньги, на которые умерший, якобы, мог купить себе эту пищу» [14, с. 52].

В 1974 г. вышла небольшая статья Р.А. Даутовой, посвященная определению функций арабоязычных (преимущественно, золотоордынских) монет в средневековых погребальных комплексах горных зон Чечни и Ингушетии [12, с. 75–78]. Опираясь на археологические материалы указанной ландшафтной зоны, Р.А. Даутова собрала исчерпывающий на тот период список известных случаев нахождения (от 1 до 3-х) монет в каменных ящиках, грунтовых ямах и склепах региона. Как правило, абсолютное их большинство – это монеты Золотой Орды, реже – ильханов Ирана. Все они пробитые, располагались внутри захоронений «под подбородком» или в районе верхней части груди погребенных (почти во всех случаях – захоронения взрослых женщин). Исследовательница предложила трактовать эти находки как «украшения», «амулеты», «обереги» или «талисманы» [12, с. 76–78].

В последующее время, как считает Е.М. Пигарёв, в период до 1990-х годов появлялись работы, в которых учитывались «отдельные монеты, обнаруженные в погребениях», но «которым не придавалось особого значения. Единичные монеты интересовали археологов, прежде всего, как датирующий материал» [41, с. 283]. Тем не менее, в научной литературе, на что уже указывалось [32, с. 33], все же появлялись и отдельные публикации, в рамках которых монеты из погребений трактовались различно: в одних случаях они воспринимались только как «обола Харона» («обола мертвых») [36, с. 60–61; 18, с. 119 и др.], что позднее поддержали и другие авторы [2, с. 325–328; 3, с. 291–310]. При этом не исключался еще один возможный вариант восприятия таких монет: как и И.Н. Парусимов [36, с. 60–61], В.А. Бабенко и Ю.Д. Обухов предположили возможность оценки таких монет и как «заупокойного дара» [2, с. 325–328; 3, с. 291–310]. Между тем, расценивая монеты, прежде всего, как один из надежных критериев хотя бы в относительной датировке и определении различных хронологических периодов, этапов и пр. [5, с. 112–125]; была справедливо обоснована и потребность в дифференциации оценок монетных находок: справедливо указывалось на необходимость отдельной оценки монетных находок с равнинно-предгорной зоны («монеты из казны Золотой Орды») и из высокогорья, где такие монеты, как правило – из погребальных комплексов, к тому же, пробитые [6]. Во второй половине 1980-х гг. коллекция монет из погребальных комплексов значительно пополнилась [9, с. 44–46; 28, с. 190–196; 29, с. 66–73 и др.]. Статистическое увеличение монетных находок продемонстрировало и изменение состава монет в погребениях, прежде всего, за счет заметной смены монет по их происхождению. Наряду с золотоордынскими монетами появились монеты грузинской царицы Русудан, грузино-хулагуидские, золотоордынские, хулагуидские [22, с. 5–7] и европейские, включая и одну русскую монету² [9, с. 44–46; 28, с. 190–196; 29, с. 66–73]. Все они из горной зоны, за исключением

² В их список следует включить пока лишь одну русскую монету из высокогорной Чечни (1960 г., склеп №4 у сел. Верхний Кокадой в Аргунском ущелье) [19, с. 250–274]. В.Б. Виноградов, опираясь на точки зрения своих предшественников (Н.Д. Мец и Г.А. Федоров-Давыдов), отметил, что монета «принадлежит чекану Дмитрия Донского (1359–1380 гг.)» [5, с. 71–73 и сл.]. Иные, также немногочисленные русские монеты, но не связанные с погребальными комплексами, на Северном Кавказе происходят из других мест.

всего лишь нескольких монет, пробитые и, как правило, из женских погребений; все они могли попасть в высокогорье различными путями и в связи с конкретными обстоятельствами. Сегодня, к примеру, монеты царицы Русудан, известны не только в высокогорье, но и на равнине и попадали в связи с совершенно разными историческими обстоятельствами [26, с. 78–80]. В высокогорье региона, как представляется, монеты Русудан к горцам попали как часть денежной выплаты грузинской царицей (по данным «Хронографа» XIV в. – «овсам, дурдзукам и горцам тех мест») за поддержку и помощь в военном противостоянии Русудан с Джалал-ад-Дином [33, с. 247–268]. Золотоордынские монеты в горах, как считается – часть военных трофеев из «добыч» горцев, попадавших к ним с золотоордынской равнины [5, с. 112–125; 6, с. 20–34]. Монеты европейские, особенно те, на которых были изображены фигуры исторических личностей в длинных одеяниях, с крестами и пр., вполне могли вызывать у горцев и ассоциации с предметами мелкой христианской пластики [21, с. 42–43]. Другими словами, эта часть монетных находок никак не согласуется с возможностями трактовки их в качестве только «оболов Харона». В каждом таком конкретном случае, как это уже отмечалось не один раз, находки монет из погребений должны оцениваться строго индивидуально [20, с. 32–34; 39, с. 193].

На этом фоне, в 2002 году появилась и статья А.В. Пачкалова, в которой он предложил атрибутировать монеты в погребениях (при условии, что их там не менее 2-х экз.) «кладами» [37, с. 178–210]. Тем самым он разделил идею Г.А. Федорова-Давыдова, изложенную в посмертной его книге «Денежное дело Золотой Орды», хотя и вышедшей через год после указанной статьи А.В. Пачкалова. В разделе книги Г.А. Федорова-Давыдова: «Новые клады золотоордынских монет» исследователь подчеркивал: «По-прежнему я включаю» в такую «сводку не только клады, но и все совместные находки монет, даже если их всего два экземпляра» [45, с. 73]. Тем самым появилась еще одна, альтернативная трактовке монет как «оболов мертвых», версия восприятия монетных находок из погребальных комплексов эпохи Золотой Орды.

Немало интересных, в т.ч. и в отношении монет из системы погребальной обрядности, предположений было высказано и П.Н. Петровым [39, с. 177–206; 40, с. 191–216].

Таким образом, на сегодняшний день нет полного единодушия в оценках исследователей семантического значения монет из погребений; судя хотя бы по приведенным ссылкам, монеты в погребениях воспринимаются следующим образом

- «обол Харона» – «обол мертвых»;
- «заупокойный дар»;
- «клад»;
- «украшения», «талисманы», «обереги» (пробитые монеты).

К какой же из этих версий стоит доверять больше? Для начала вернемся к некоторым наблюдениям Е.М. Пигарёва. В них исследователь сразу же делит все известные ему (учтенные им) находки монет в погребениях Золотой Орды только на две группы: *монеты-украшения* и *«оболы мертвых»*, хотя их оценок немного, и, якобы, они не встречаются в тюркских (? - Авт.) захоронениях [41, с. 283].

Проработанная Е.М. Пигарёвым выборка погребений с монетами на сегодняшний день является пока единственной обобщающей работой. Вся выборка состоит из 214 учтенных им захоронений золотоордынского времени. В 48 случаях, составляющих 22,4% этой выборки, в погребениях находились только медные монеты; в 166 захоронениях – 77,6% выборки содержали только серебряные монеты. Лишь в 6-ти захоронениях (2,8%) – серебряные и медные монеты. Такой разброс монет по мета, наверное, свидетельствует о предпочтительном помещении в погребение се-

Одну монету – «псковскую денгу» XV в., упомянул В.А. Городцов, как происходящую с территории золотоордынского г. Маджара [11, с. 178] и на наш взгляд, датировку В.А. Городцова не совсем обоснованно удревняет А.В. Пачкалов [38, с. 283]. Нельзя исключать и другую возможность, например, в соотношении этой «денги» с псковскими монетами, выпускавшимися с «конца 1424 – по начало 1425 гг.» [10, с. 169–173]. Еще три русские монеты упоминаются в связи с определением состава известного «Петровского» клада монет на Кубани [30, с. 61–66; 31, с. 105–115]. Первая монета – киевского Владимира Ольгердовича [23, с. 25–26]; вторая – Ивана III; последняя монета – Ивана IV, как отмечалось раньше, либо неточно определена, либо же, в составе «Петровского клада» оказалась случайно [31, с. 105–115]. Недавно еще одна русская монета – «Дмитровского князя Петра Даниловича», скорее всего из монетного клада, была зафиксирована в окрестностях Анапы [34, с. 41–44].

ребряных монет [41, с. 283–284]. В принципе, приведенная статистика ясности в интересующую нас проблему не вносит.

По возрастным особенностям сравниваемых погребений с монетами в них, из 214 учтенных Е.М. Пигарёвым случаев 210 захоронений (98%) – взрослые; 4 захоронения (1,9%) – детские. По половой принадлежности 55 погребений (25,7%) – мужские. 49 (22,9%) – женские захоронения с монетами; еще в 110 захоронениях (51,4%), к сожалению, пол погребенных при раскопках не был определен [41, с. 283–284]. Получается, что и данный опыт статистического сравнения демонстрирует нам лишь преобладание монет в захоронениях взрослых людей; чуть больше их в мужских и меньше в женских захоронениях. Но и в этом случае нет никаких оснований воспринимать эти монеты только как «оболы Харона», «заупокойного дара» или «клада». Отсутствие у них пробитых отверстий не дает оснований и для характеристики их в качестве украшений, оберегов или талисманов.

Проделанная исследователем статистическая обработка погребений с монетами позволяет констатировать очевидный факт – отсутствие каких-либо серьезных и предпочтительных доводов в пользу трактовки этих монет только как «оболов». Не позволяет такой вывод сделать и его утверждение о том, что из всех 214 учтенных им случаев фиксации монет в погребениях основная их масса была представлена только золотоордынскими монетами. В этом нет ничего необычного, т.к. статистика проводилась на материалах с территории Золотой Орды. Другое дело – горы Северного Кавказа, где местное население не только не входило в пределы политико-экономического контроля Золотой Орды, не было включено в какую-либо из денежных систем того времени, т.к., по мнению специалистов, у них так и не сложилась система собственных и непосредственных торгово-денежных отношений. Сосуществовали они с владениями Хулагуидов, под политико-экономическим патронажем которых была, к примеру, Грузия, через которую пролегли различные торговые артерии эпохи. Отсюда и разнообразие «иноземных» монет, из Грузии по-прежнему поступающее в высокогорье Восточного Придарьяля, как правило, за такие же военно-союзнические «услуги», формируя не очень заметное статистически, но бросающееся в глаза нумизматическое «разнообразие», сразу же оседавшее там в качестве украшений, талисманов или оберегов. В погребальных комплексах кочевников Золотой Орды такого разнообразия не заметно: только в трех случаях из 214, как подчеркивает Е.М. Пигарёв, было отмечено присутствие «иноземных» монет – «золотой мамлюкский динар Бейбарса», «бронзовая китайская монета» и «медная византийская монета» [41, с. 283–284]. И это тоже понятно: редкая золотая монета Бейбарса и в системе погребального обряда продолжала оставаться золотой, как в качестве украшения, просто «драгоценного предмета», так, возможно, и в качестве «обола». Не совсем понятна ситуация с другой, также редкой, византийской монетой. Что же касается учтенного Е.М. Пигарёвым случая с бронзовой китайской монетой в захоронении, сегодня это уже не единичный случай. Еще одно погребение с китайской монетой было зафиксировано на территории «Грозненской области» (Северо-Западный Прикаспий) [25, с. 241, рис. 7,1]. Эти находки также ставят вопрос о том, могут ли китайские монеты являться такими же «оболами»? Предварительная оценка возможных причин их попадания на Северный Кавказ, а затем и в погребение «монгола»-кочевника, вместе с трактовками других таких же монет, но происходящих из случайных сборов на Маджарах и в Северо-Западном Прикаспии, в свое время вызвало краткое обсуждение (обзор см.: [40, с. 203, прим. 6]. Было высказано даже предположение о том, что монета из погребения «монгола» из Северо-Западного Кавказа, отмеченная в области пояса, вполне могла использоваться и в качестве своеобразной «пуговицы» [40, с. 203, прим. 6], чего, впрочем, исключать нельзя. Вместе с тем, китайские монеты известны и в других захоронениях кочевников-«монголов» на территории, например, Восточного Забайкалья. Там, в одном случае, китайская «монета украшала шапочку ребенка», или, возможно, «была вплетена в его волосы», что не позволяет видеть в ней, к примеру, «обол Харона». В другом погребении такая же монета «могла украшать одежду умершей женщины» [15, с. 79], что тоже не позволяет видеть в той монете «обол мертвых». Китайские монеты из погребений на территории Восточного Забайкалья рассматриваются исследователями в качестве привесных или подвесных украшений, в т.ч. и головных уборов, а так же, как элементы украшения прически. Распространение же таких монет в обиходе средневековых «монголов» Забайкалья, исследователи связывают с их «трофеями» [15, с. 79]. Вполне вероятно, что и на территории Восточной Европы, китайские монеты – точно такие же «трофеи», занесенные сюда монголами еще в годы первой кампании 1220-х гг. [27, с. 64–68]. А это – еще один повод для несколько иного воспри-

ятия монетных находок в системе погребальной обрядности кочевников золотоордынского времени.

Достаточно интересным выглядит и хронологическое распределение учтенных Е.М. Пигарёвым монет. По его подсчетам на «XIII в.» приходится всего лишь «21 погребение с монетами (9,8%)»; на «XIV в. – 134 погребения (62,6%)»; а в «XV в. – 5 погребений», что составляет лишь 2,3%. Погребений, в которых монеты определить не удалось – 54 комплекса (25,2%)». Статистика позволила ему заключить следующее: наибольшее количество погребений с монетами приходится на XIV в., особенно, на период «1340-1360 гг.», что «совпадает с периодом наивысшего расцвета» Золотой Орды [41, с. 284]. Статистика, действительно, любопытна, но насколько реально с этими временными периодами можно увязывать максимальное развитие традиции укладывать в погребения монеты, как «заупокойный дар», как «обол Харона», или же в качестве «клада»? Е.М. Пигарёв совершенно верно связывает пик использования монет в погребениях, приходящийся на апогей денежного обращения в Золотой Орде, что, вероятно, можно рассматривать и в качестве подтверждения наблюдений, высказанных выше. Например, некоторые идеи цитировавшимися выше исследователей – А.К. Маргулана, М.Е. Массона, М.К. Кадырбаева, А.З. Бурнашевой, И.Н. Парусимова, В.А. Бабенко, Ю.Д. Обухова и др. Многие из них считали: монеты из погребений, несмотря на все сложности, не только обладают некоторыми информационными возможностями. Однако, прежде чем попасть в погребения, монеты могли быть изъяты из непосредственного торгово-денежного оборота и, тем самым, могут являться полноценным нумизматическим источником³ (об этом см.: [42, с. 73]). Тогда, надо понимать и то, что в этом случае монеты становятся и источником по изучению специфики местного денежного оборота. Небольшой процент погребений с монетами XIII и XV вв., исторически объяснимы: в первом случае – это могло быть связано с «организационным», а затем – и с «начальным» этапами в этом обращении. XV в., там, где исламизация городского и кочевого обществ шла интенсивно, и здесь мы солидарны с Е.М. Пигарёвым, в погребальном обряде заметно уменьшается, а затем и вовсе исчезают не только монеты, но и другие разновидности сопровождающего инвентаря. Другими словами, в этих случаях нет особых поводов для трактовки «особой» роли монет в захоронении.

Е.М. Пигарёв справедливо указывает и на заметную этнокультурную пестроту населения Золотой Орды,⁴ в т.ч. и той ее части, в которой были зафиксированы интересующие нас монеты. «Пестрота» эта, по его мнению, подтверждается «обилием различных ориентировок погребений ...» [41, с. 284–285]. Такое объяснение, вероятно, подталкивает к мысли о доминирующей («всеобщей»), одинаково характерной для большинства, хотя и разных этнокультурных групп кочевников традиции помещения монет в погребение. Но здесь правы А.К. Маргулан, М.Е. Массон, М.К. Кадырбаев и А.З. Бурнашева, которые в своих рассуждениях справедливо указывали на существование у разноэтничных кочевников *совершенно иных религиозных традиций*. При этом резонно ставился вопрос: насколько в их рамках могла сохраняться эта давняя и изначально «греческая» традиция «обола Харона»? Сохранялась ли она в изначальном, т.е., неизменном виде, или же ее следует рассматривать как некую реминисценцию того обряда, давно адаптированного в местных условиях. Эту же мысль подтверждает, например, система представлений, объясняющая наличие в кочевнических захоронениях сопровождавших их скелетов погребенных вместе с покойником коней. Причем количество погребенных лошадей в кочевнических захоронениях фиксируется от одного до двух-трех скелетов. Такое их количество было характерно не только для Центральной Азии, Алтая или Сибири, но и для Северо-Восточного Причерноморья. Как извест-

³ В.А. Бабенко и Ю.Д. Обухов свой, аналогичный вывод сформулировали не совсем корректно, отметив не роль монет в этом, а «погребений с монетами». По-крайней мере эта мысль прозвучала так: «Появление погребений с монетами позволяет по-новому рассмотреть денежное обращение в округе Маджара» [2, с. 327], без изменений повторив ее и три года спустя [3, с. 302]. На это сразу же среагировал П.Н. Петров, отметивший: «следует уточнить, что речь, видимо, идет о монетном обращении в царстве Аида, а не в округе Маджара. Но это уже за пределами возможности земной науки» [40, с. 198, прим. 3].

⁴ Тезис Е.М. Пигарёва о том, что на сравниваемых им могильниках, монеты не встречались только в погребениях с северной ориентировкой, считающейся, как справедливо пишет Е.М. Пигарёв характерной для средневековых монголов [41, с. 285]. Однако приводившиеся выше ссылки на ряд кочевнических захоронений из Казахстана (в упоминавшихся выше раскопчных материалах А.К. Маргулана, М.К. Кадырбаева и А.З. Бурнашевой), а также отмечавшееся нами погребение с китайской монетой из Северо-Западного Прикаспия – все с монетами, сопровождавшими кочевническими захоронения именно с северной («монгльской») ориентировкой погребенных.

но, помещение коня в могилу кочевника, связывают с его основными прижизненными функциями: конь, прежде всего, – средство транспорта и пища [35, с. 52–53]. Считают, например, что тюркоязычные кочевники нередко практиковали традицию, в рамках которой своего умершего сородича они не только «доставляли к могиле либо в повозке с запряженным в нее конем, либо же, верхом на коне» [35, с. 58]. При этом, функции лошади, погребенной вместе с человеком заключалась и в «доставке умершего на тот свет и служении ему там также, как при жизни на земле. Для этого лошадь была полностью экипирована» [35, с. 75].⁵ Точно таким же средством «доставки» в загробный мир, могли являться и остатки повозок, ныне хорошо известные в кочевнических захоронениях Восточной Европы; погребения с повозками или их деталями ныне наиболее известны на территории Поднепровья. Менее часты они в материалах золотоордынского Поволжья; единичны в Крыму и на Северном Кавказе (обзор ареалов распространения погребений с повозками см.: [47, с. 121]). На этом фоне вполне закономерно встает вопрос о реальности сопоставления монет из погребений с традицией именно «обола Харона», поскольку в мир иной умерший кочевник мог попасть не только благодаря «оплате» услуг перевозчика Харона, а на своей лошади, или же на специально помещенной в захоронение повозке? В религиозных представлениях средневековых мусульман, таким же «средством» перемещения из жизни реальной в загробный мир могли являться мифологические аль-Бораки.

Несмотря на трактовку монет из погребений только как «оболов Харона», целый ряд авторов, на наш взгляд, справедливо обращают внимание и на разную микротопографию расположения монет внутри погребений, правда, ее учет, все же, никак не отражается на их конечных выводах указанных авторов. Представляется, что идея эта не нова, но и не лишена определенного смысла, требуя нового и более внимательного отношения к ней.

Е.М. Пигарёв, например, выделил 6 ситуаций расположения монет внутри захоронений:

- 1: «монета находится во рту погребенного»;
- 2: «монета находилась в районе черепа»;
- 3: «в районе рук»;
- 4: «на груди»;
- 5: «на дне могилы»;
6. «в засыпке могилы» [41, с. 283].

Перечисленные выше все шесть ситуаций положения монет внутри захоронений, вряд ли исчерпывают все, известные к настоящему времени подобные ситуации. Однако продолжает оставаться не совсем понятным: означает ли выявленное внутри погребения разная микротопография расположения монет, действительно подчинена какой-то логике, определенной канонами погребальных обрядов, определявшая подобное разнообразие и подчиненное строгому семантическим смыслам. А они, в свою очередь должны были обязательно указывать на конкретное «обозначение» и восприятие тех или иных монет и их роли в погребении? Другими словами, могла ли та или иная микротопография монет точно указывать: монета «во рту» – «обол Харона», ее местонахождение «в руке» – это тот же «обол мертвых» и т.д.?

С традицией помещения монет внутри захоронений Е.М. Пигарёв связывает и происхождение поминальной раздачи монет у мусульман, практикующейся и поныне [41, с. 285–286], хотя это предположение ныне оспаривают другие авторы [1, с. 176–177].

Возвращаясь к проблеме микротопографии монет в захоронениях эпохи Золотой Орды, необходимо высказать еще несколько замечаний на этот счет.

1. Ситуация: «Монеты во рту» у погребенного. Действительно, именно такое расположение монет у погребенного, в свое время и привело к обоснованию версии об «оболе Харона». Ситуация, археологически, выявлена давно. Самые ранние примеры традиции фиксируются в погребальной практике разноэтничного населения эллинистического мира еще с «конца V–IV вв. до н.э.»; «с IV в. до н.э.» эта традиция «получает повсеместное распространение на Боспоре» [43, с. 435–439]. Со временем, этот обычай стали атрибутировать как «оболы Харона» – своеобразную «плату», если следовать данным греческой мифологии, этому перевозчику душ умерших через речку Стикс в царство Аида. Нередко этого Харона сопоставляют и с более ранним по времени, «этрусским Хаару – демоном, увлекавшим души мертвых в царство теней» [43, с. 435–439]. Меж-

⁵ Аналогичная роль, вероятно, отводилась и ситуациям, когда захоронение кочевника сопровождала не полная туша лошади, а ее чучело, а со временем – и такие изменения в обряде, когда «присутствие» лошади символизировало лишь наличие в захоронении только деталей конского снаряжения.

ду тем статистика учтенных случаев сопровождения погребенных античными монетами, например, для IV в. до н.э., демонстрирует довольно заметный численный «разброс» в использовании этой традиции. На разных памятниках Боспора таких случаев зафиксировано от 70 до 10% на некрополях различных городов, что демонстрирует, видимо, то, что «среди части населения были распространены иные взгляды на момент «перехода» из жизни после смерти, где места для Харона-перевозчика не было» [43, с. 435–439]. В сравнении с такой точкой зрения, «перенос» идеи на средневековые материалы, выглядит не вполне и не всегда правдоподобно. Несколько «смущает» нас и то, что иноэтничная традиция, несмотря на широкую географию и длительный временной диапазон, смогла не только прочно войти в религиозный обиход кочевников. Однако вновь вернемся к выделенным специалистами вариантам расположения монет внутри средневековых захоронений кочевников.

Ситуация 1 – местонахождение монеты «во рту», как наиболее адекватно соответствующей версии с «оболом Харона», на мой взгляд, по-крайней мере в известных случаях золотоордынского времени, не всегда убеждает в реальности именно такого определения первоначального местоположения монет. Ссылаясь на личный раскопачный опыт, хотя неоднократно приходилось сталкиваться с таким положением не монет, а других предметов – крупных бус, раковин каури или различных привесок. Они, являясь составной частью низки украшений, которые, скорее всего, изначально были нанизаны на короткую нить («веревочку»), обеспечивавшую, наверное, весьма высокое расположение всей низки на шее. В конечном итоге, после смещения нижней челюсти погребенного вниз или вбок, часть украшений таких низок, на момент раскопок оказывалась как бы «во рту», хотя на самом деле, речь должна идти об их положении «под нижней челюстью», «под подбородком» и т.п. Наличие отдельных монет или же, сразу нескольких монет без пробитых отверстий примерно в таком же положении, могло означать, что изначально такие монеты вполне могли находиться, например, в матерчатой «сумочке», в «лоскуте ткани», в «шейной повязке», в «кошеле», к моменту исследования погребения полностью истлевших. В других случаях, когда это позволяла сохранность скелета погребенного, монеты фиксировались «на груди погребенной, под халатами», где было отмечено сразу 6 непробитых серебряных монет, находившихся «в матерчатом кисете» [4, с. 105]. Если бы остатки указанных халатов и сумочки не сохранились, положение монет на скелете воспринималось бы совсем по-другому. Таким образом, изначально помещение непробитых монет внутрь матерчатых изделий, после их гниения и смещения нижней челюсти, как правило, вполне может создавать иллюзию нахождения монет «во рту», или же обеспечивая их нахождение в верхней части туловища погребенного.

Аналогичным образом, реально вести речь и о сознательном вложении монеты «в руку» лишь тогда, когда кисть руки с монетой была преднамеренно сжата «в кулак». В остальных случаях остается большая доля сомнения в том, где же на самом деле монета первоначально была положена. Особенно этот вопрос возникает тогда, когда в описании захоронения отсутствует подробное описание положения самой руки (у плеча, на груди, на поясе, вдоль бедра и пр.). Такая информация может дать дополнительные сведения в определении возможного места изначально размещения монеты. Таким образом, в принципе, не исключая возможности трактовки отдельных монет в качестве «оболы мертвых», хотя в таких случаях необходима серьезная аргументация, мы склоняемся к следующему. Находки монет в погребении (как пробитых, так и непробитых), несомненно, наделялись какой-то, вполне конкретной семантикой и семиотикой. Но какой именно, сейчас утверждать сложно. Прежде чем попытаться высказать свои наблюдения на этот счет, рассмотрим еще одну версию атрибуции монет внутри захоронений, которая ныне предлагает воспринимать их не иначе, как «клады».

Выше мы уже указывали на то, что данная версия Г.А. Федорова-Давыдова, несмотря на хронологию ее публикаций, была «реанимирована» А.В. Пачкаловым. Версия касается ситуаций, когда в погребении находят сразу не менее «двух монет». А.В. Пачкалов, сделав подборку таких примеров, весьма резко увеличил количество известных «кладов» золотоордынского времени на территории Восточной Европы [37, с. 178–210]. В числе таких, совершено «новых кладов» оказалось и несколько монетных находок с территории Северного Кавказа, интересующих нас в первую очередь. Один из таких «кладов», состоявший, якобы, из «трех золотоордынских дирхемов Пулада», битых в Хаджи-Тархане, А.В. Пачкалов локализует близ сел. Верхний Алкун [37, с. 178, №5, 55]. В этом случае он подразумевает разрушенное воинское захоронение, в котором, на са-

мом деле, было не три, а только две монеты [46, с. 131], которые, в первую очередь являлись остатками сопроводительного погребального инвентаря.

В еще одном случае А.В. Пачкалов указывает на другой «клад» из высокогорной Ингушетии – из склепа №128 Шуанского могильника «Мохде», в котором, действительно, было выявлено сразу пять медных монет [37, с. 178, №5, 56]. Следуя его логике такого «определения» статуса находок монет, речь можно было бы вести не об одном, а сразу о двух «кладах», поскольку монеты отсюда были сосредоточены двумя группами на разных уровнях (в разных «слоях») склепового заполнения. Все пять монет были пробитые, т.е., с отверстиями для привешивания [13, с. 15–71]. А это позволяет воспринимать монеты, в большей степени, как «украшения», «талисманы», «обереги» или «амулеты».

Не менее спорно и сопоставление с «кладом» нескольких золотоордынских монет из Верхнего Чегема, в Кабардино-Балкарии [37, с. 178, №6, 57]. Как известно, данный «клад» представлял собой монисто, долгое время хранившееся в частной коллекции и включавшее в себя, в основном, монеты XVIII в., среди которых было и несколько джучидских [7, с. 75–85; 8]. Как, откуда и когда золотоордынские монеты попали в состав данного монисто, неизвестно, хотя подобная практика включения в украшение-монисто монет более раннего времени, не редкость [20, с. 32–34]. Но в любом случае, и эти пробитые монеты, вряд ли можно рассматривать только как «клад». Аналогичным образом несколько захоронений из высокогорной Чечни, в инвентаре содержали по две монеты, были включены в число таких же «кладов» Г.А. Федоровым-Давыдовым – монеты из склепа у сел. Бугарой [45, с. 90, № 118б], ныне уже не «Советского», как указано, а Шатойского района Чечни. Там же упомянуты по две серебряные монеты из захоронений могильников Ватан-Корт и Ушкалой, [45, с. 90, №118в–118г], хотя этот перечень далеко не исчерпывает всех других, аналогичных случаев фиксации пробитых монеты в горной зоне Чечни и Ингушетии, оказавшихся вне поля зрения указанных авторов. Идея с «кладами», в принципе понятна, поскольку Г.А. Федоров-Давыдов, скорее всего, под такими «кладами» подразумевал лишь возможности информационного содержания, не больше.

А.В. Пачкалов, называя такие ситуации «кладами», также ничего не объясняет, хотя, как представляется, он также не подразумевает возможность «сокрытия» большей части перечисленных им «кладов» в захоронениях, что выглядело бы абсурдом. Если брать в расчет механизм «образования» многих монетных кладов, которые специалистами-нумизматами связываются с возникновением каких-то экстремальных ситуаций, перед лицом опасности и пр. Именно в таких условиях владельцы тех или иных денежных средств стремятся их спрятать (уберечь) в надежде на последующее возвращение к месту спрятанного клада, чтобы извлечь его из земли и вновь воспользоваться теми денежными средствами. Сама идея возможности сокрытия таких «кладов» внутри захоронений, мягко говоря, сомнительна. Это заставляет думать, что и А.В. Пачкалов под выделяемыми им «кладами» подразумевает также, лишь информационные возможности монет из погребений, как полноценных нумизматических источников, прежде чем попасть в погребение, изъятых из непосредственного торгово-денежного оборота.

На выше представленном фоне закономерно возникает вопрос: насколько реально такое сопоставление монет из погребений с «кладами»?

Пытаясь найти приемлемые ответы на поставленные выше вопросы, связанные с трактовками монет из погребальных комплексов, наверное, стоит напомнить давнюю точку зрения нумизматов, еще в 1960-х гг. споривших о статусе монетных находок из археологических раскопок. Среди них была и точка зрения польского нумизмата Р. Керсновского. Касаясь, правда, монетных находок эпохи раннего средневековья, нумизмат еще в 1965 г., подчеркивал необходимость тесной кооперации усилий археологов и нумизматов, предлагая рассматривать археологические находки монет, прежде всего, как *вещественного источника* и только после этого, как источника нумизматического [42, с. 73].

Действительно, если относиться к любому закрытому погребальному комплексу, в т.ч. и с монетами, как отражению комплекса религиозных взглядов, воззрений и традиций населения, совершившего то или иное захоронение, все предметы из них, включая и монеты, помещались в захоронение, отнюдь не случайно и не хаотично, располагая их в какой-то определенной последовательности и строго отведенном месте и пр. Каждый из таких предметов погребального инвентаря нес какую-то, строго определенную смысловую и, как правило, понятную всем, присутствовавшим при погребении, нагрузку, преследуя одну цель – не только сопровождения умершего в мир

иной, но и для служения ему в загробном мире. В этом смысле и монеты, после того, как умерший будет перенесен в загробный мир его лошастью или на предназначенной для этого повозке, мог воспользоваться и сопровождающими его «деньгами» - одной или несколькими монетами? Другими словами, как и в реальном мире, использовать монеты для повседневных нужд и запросов.

Таким образом, ставя под определенные сомнения возможность восприятия монетных находок в погребальных комплексах золотоордынского времени только как «оболов Харона» или как «кладов», нам представляется, что такие монеты помещались в захоронения, как и другие предметы повседневного обихода в прямой зависимости от этнических традиций, прижизненного социального статуса и экономических возможностей погребаемого. В этом смысле монеты, сопровождавшие умершего, как и при его жизни, должны были играть ту же самую роль и в загробном мире. Помещение монет в «шейный платок», просто в лоскут ткани, «кошель», «сумочку», а иногда, в «шкатулку» или в «сапог», как это зафиксировал В.А. Городцов на Маджарах, зависело от множества факторов, не исключавших к тому же и убеждения в «надежном укрытии» таких монет. По крайней мере, сегодня есть все основания полагать: версия с «оболом Харона» по отношению к монетам эпохи Золотой Орды, вряд ли исчерпывающая, хотя как реминисценция давних и изначально чуждых, когда то заимствованных элементов обрядов, со временем, могла существовать, причем, как «наслоиться» на другие элементы погребальных обрядов. Однако это могло быть связано и с изначальным прагматизмом, предусматривавшим возможность использования утилитарных функций монет и в системах погребальных обрядов, направленных на «подготовку» погребаемых сородичей к условиям «второй» их «жизни», но уже в условиях загробного мира. С течением длительного времени, сама традиция продолжала сохраняться и проявляется и в настоящее время. На примере Казахстана это отмечали М.К. Кадарбаев и А.З. Бурнашева; на примере современного Дона – это отмечает И.Н. Парусимов. Эта же традиция является характерной и для других регионов Юга Восточной Европы⁶.

Таким образом, по-прежнему рассматривая затронутую проблему в качестве открытой, все-таки, мы считаем: в основе этой традиции кочевников Золотой Орды был мог быть заложен не столько принцип «обола Харона», сколько то, что монеты в системе погребального обряда играли свою прямые и непосредственные функции «денег», которые, как и иные предметы погребального инвентаря. В совокупности с ними, монеты могли бы способствовать не только привычному, по прижизненным меркам, «обустройству» в мире ином, но и «продолжению» там этой жизни в «привычном» (как при жизни земной) статусе. Конечно же, затронутая вновь проблема требует дальнейшего расширения исходной (источниковой) базы и новых, вероятно, коллективных обсуждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акимовский С.Ю.* Золотоордынские погребения с монетами // XXXIX Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция (Пермь, ПГПУ 31 января – 4 февраля 2007 г.). Пермь: ПГПУ, 2007. С. 176–177.
2. *Бабенко В.А., Обухов Ю.Д.* Монеты в погребениях Маджара и его округа // Материалы III международной Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 18–21 октября 2010 г.). Астрахань: АГУ, 2010. С. 325–328.
3. *Бабенко В.А., Обухов Ю.Д.* Монеты в погребениях Золотой Орды на территории Центрального Предкавказья // Материалы по изучению историко-культурного населения Северного Кавказа. Вып. XI: Археология, краеведение, музееведение / Отв. ред. А.Б. Белинский. М.: «Памятники исторической мысли», 2013. С. 291–310.
4. *Васильев Д.В.* Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6 / Отв. ред. В.И. Мамонтов-Волгоград: ВолГПИ, 1998. С. 101–112.

⁶ Еще в конце 1980- нач.1990-х гг. мы сталкивались с проявлением этой традиции в погребальной практике современных потомков терско-гребенского казачества на Тереке. Там, в нескольких казачьих станицах, при совершении захоронений, пожилые женщины, отвечавшие за подготовку всего церемониала похорон, в обязательном порядке рекомендовали помещение в гроб (вариант: в карман брюк усопшего), медную монету, как правило – 3-х или 5-ти копеечного достоинства. На вопрос о причинах такой потребности и ее семантике, ответ всегда был один и тот же: «потому, что так делали еще наши прабабушки!».

5. *Виноградов В.Б.* Нумизматические материалы в проблеме хронологии периодизации в позднесредневековой истории Северного Кавказа // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа / Отв. ред. М.М. Блиев. Орджоникидзе: СОГУ, 1985б. С. 112–125.
6. *Виноградов В.Б.* Судьбы древних монет. Опыт лирической нумизматики. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1982. 98 с.
7. *Виноградов В.Б., Денпуева А.Б.* Монетные находки и клады на территории Кабардино-Балкарии (до конца XVIII в.) // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: ЧИГУ, 1987. С. 75–85.
8. *Виноградов В.Б., Денпуева А.Б.* Старинные монеты-свидетели прошлого. Нальчик: «Эльбрус», 1990. 80 с.
9. *Виноградов В.Б., Нарожный Е.И.* Монетные чеканы закавказских городов в северокавказских древностях XIII–XIV вв. // Научная конференция: «Средневековые города и городская жизнь Кавказа (в свете археологических данных)» / Под ред. В.В. Джапаридзе. Тбилиси: «Мецниереба». 1988. С. 44–46.
10. *Гайдуков П.Г.* Псковские монеты XV в. // Десятая ВНК: Москва, 15–20 апреля 2002 года. Тезисы докладов и сообщений. М., 2002. С. 169–173.
11. *Городцов В.А.* Результаты археологических на месте развалин Маджар в 1907 году // Труды четырнадцатого Археологического съезда в Чернигове. Т. III. М., 1911. С. 163–208.
12. *Даутова Р.А.* Функции арабоязычных монет в позднесредневековых могильниках Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы атеизма / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: ЧИГУ, 1974. С. 75–78.
13. *Даутова Р.А., Мамаев Х.М., Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю.* Новые данные о материальной культуре горной Ингушетии (По раскопкам Шуанского могильника) // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии / Под ред. В.Б. Виноградова. Грозный: ЧИНИИИСФ, 1989. С. 15–71.
14. *Кадырбаев М.К., Бурнашева А.З.* Погребение кипчака первой половины X I V в. из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, отделение Каз ССР, 1970. С.42–53.
15. *Ковычев Е.В.* Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья / Отв. ред. П.Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1981. С. 73–79.
16. *Маргулан А.К.* Раскопки погребения воина X I V века в долине реки Нуры // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР. Т.7–Археология / Отв. ред. М.Е. Масон. Алма-Ата, 1959. С. 248–261.
17. *Масон М.Е.* Серебряные монеты XIV в. из погребений могильника в бассейне р. Нуры // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР. Т. 7 – Археология / Отв. ред. М.Е. Масон. Алма-Ата, 1959. С. 262–265.
18. *Мамонтов В.И., Ситников А.В.* Курганный могильник у хут. Степной // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6. / Отв. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: ВолГПИ, 1998. С. 113–124.
19. *Марковин В.И.* Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна // Древности Чечено-Ингушетии / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 250–274.
20. *Нарожная Ф.Б.* Еще раз о находках монет XIII–XVI вв. в погребальных комплексах Северного Кавказа // Шестые чтения по археологии Средней Кубани. Тезисы конференции / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Армавир: АГПИ, 1999. С. 32–34.
21. *Нарожная Ф.Б.* Нумизматические находки Северного Кавказа и христианство // Христианству-2000 лет. Тезисы региональной конференции / Отв. ред. С.Л. Дударев. Армавир: АГПИ, 2000. С.42–43.
22. *Нарожная Ф.Б.* Монеты Ильханов XIII–XIV вв. в горах Чечни и Ингушетии // На стыке гор и равнин: проблемы взаимодействия. Материалы преподавательско-студенческого заседания / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Армавир: АГПИ, 2000. С. 5–7.
23. *Нарожная Ф.Б.* О монете Владимира Ольгердовича из состава «Петровского» клада монет на Кубани // Седьмые чтения по археологии средней Кубани (Краткое изложение материалов) / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Армавир: АГПИ, 2000. С. 25–26.
24. *Нарожный Е.И.* Монеты грузинской царицы Русудан на Северном Кавказе в контексте событий пер. пол. XIII в // Историческое регионоведение – вузу и школе. Материалы V Региональной конференции / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Славянск-на-Кубани. СФ. АГПИ, 1997. С. 23–25.
25. *Нарожный Е.И.* О некоторых находках XIII–XIV вв. с территории «Грозненской области» (по материалам личного архива грозненского краеведа М.П. Севостьянова) // МИА Северного Кавказа. Вып. 5 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: АГПИ, 2005. С. 226–243.
26. *Нарожный Е.И.* О специфике денежного обращения на Северном Кавказе в первой трети XIII века // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург-Гатчина 16–21 апреля 2007 года. Тезисы докладов и сообщений. СПб: ГЭ. 2007. С. 78–80.
27. *Нарожный Е.И.* О находках китайских монет XIII века на территории Северного Кавказа // Вестник АН ЧР. 2015. № 4 (29). С. 64–58.

28. *Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б.* Средневековые монеты из высокогорной Ингушетии // Проблемы археологии Кавказа. Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию. Б.Н. Воронова. (10–11 мая 2011 г., г. Сухум). Сухум, 2011. С. 190–196.
29. *Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б.* Нумизматические материалы XIII–XIV вв. из высокогорной Ингушетии // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2. Казань. «ФАН», 2012. С. 66–73.
30. *Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б.* О «Петровском кладе» на Кубани // Наукові записки Кіровоградського державного педагогічного університету. Вип. 20: Синьоводська битва 1362 року в контексті історії Східної Європи, 2014. С. 61–66.
31. *Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б.* «Петровский» монетный клад на Кубани: некоторые итоги и перспективы изучения // Нумизматика Золотой Орды. 2015. №5. С. 105–115.
32. *Нарожный Е.И., Охонько Н.А.* Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей (Серия: МИА Северного Кавказа. Вып.7). Армавир-Ставрополь: РИЦ АГПИ, 2007. 228 с.
33. *Нарожный Е.И., Цуциев А.А.* Северный Кавказ в период с 1222 года по конец 1230-х гг. (по грузинским монетным находкам) // Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology. 2016. № 6. С. 247–268.
34. *Новичихин А.М.* Находка русской монеты XV века на Северо-Западном Кавказе // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения краеведа П.М. Галушко. Вып. 4 / Отв. ред. С.Н. Малахов. Армавир – Отрадная, 2016. С.41–44.
35. *Нестеров С.П.* Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Сибирское отделение АН СССР, 1990. 143 с.
36. *Парусимов И.Н.* Еще раз об «оболе Харона» // Античные цивилизации и варварский мир. в Подонье-Приазовье (Тезисы докладов) / Отв. ред. Б.А. Раев. Новочеркасск. 1987. С. 60–61.
37. *Пачкалов А.В.* Новые клады монет Золотой Орды // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV: Нумизматический сборник. Т. 3 / Гл. ред. П.Н. Петров. Нижний Новгород (Москва): «Информэлектрон». 2002. С. 178–210.
38. *Пачкалов А.В.* Иноземные монеты на Маджарском городище // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. А.А. Туаллагов. Тезисы докладов. Владикавказ: СОИГСИ, 2008. С. 283–286.
39. *Петров П.Н.* Некоторые аспекты средневековой восточной нумизматики – исторического источника (1) // Золотоордынское обозрение. 2013. №1. С. 177–206.
40. *Петров П.Н.* Некоторые аспекты средневековой восточной нумизматики – исторического источника (2) // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 191–216.
41. *Пигарёв Е.М.* Монеты в погребениях Золотой Орды // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1 / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДГУ, 2000. С. 283–301.
42. *Потин В.М.* Введение в нумизматику // Труды Гос. Эрмитажа. Т. XXVI: Нумизматика. Вып.6 / Отв. ред. В.М. Потин. Санкт-Петербург: «Искусство», Ленинградское отделение, 1986. С. 69–162.
43. *Сударев Н.И., Болдырев С.И.,* 2009. «Обол Харона» как археологический термин // Боспорские чтения. Вып. X: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009. С. 435–439.
44. *Тменов В.Х., Цуциев А.А.* Некоторые дополнительные данные об алано-грузинских связях XIII–XIV вв. (Грузинские монеты в склепах Дзивгиса) // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и музееведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (г. Ставрополь, 24–26 апреля 2003 г.) / Отв. ред. А.А. Кудрявцев. Ставрополь: СГУ, 2003. С. 86–89.
45. *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. М.: «ПАЛЕОГРАФ», 2003. 352 с.
46. *Чаккиев Д.Ю., Нарожный Е.И.* Погребение знатного горского воина нач. XV в. из с. Верхний Алкун (Горная Ингушетия) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худякова и Ю.А.Плотникова. Новосибирск: Сибирское отделение АН СССР, 1990. С. 129–140.
47. *Чаудзе В.Н.* Погребения средневековых кочевников и каменные тюркские изваяния из степного Прикубанья // МИА Северного Кавказа. Вып.10 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир, 2008. С. 118–138.

Информация об авторе:

Нарожный Евгений Иванович, доктор исторических наук, Заслуженный работник культуры Кубани, главный специалист Непубличного акционерного общества «Наследие Кубани» (Краснодар, Российская Федерация); zai_ein@mail.ru

About the Author:

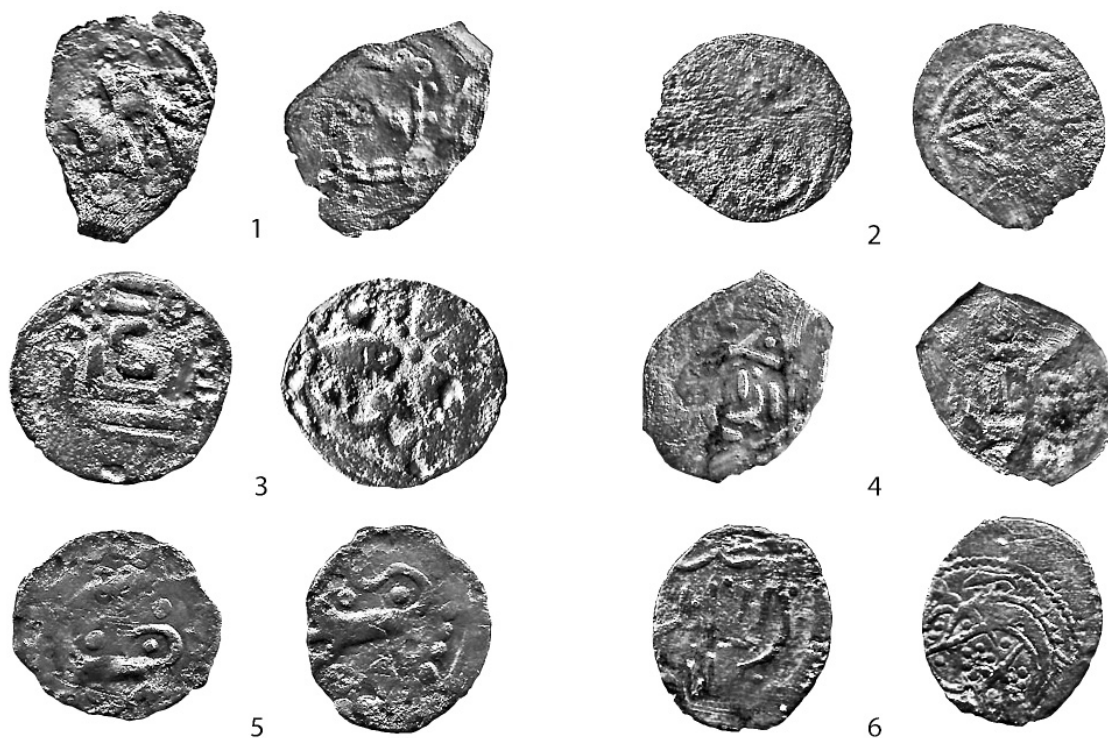
Narozhnyi Evgeny I., Doctor of Historical Sciences, Honoured Cultural Worker of Kuban, Chief Specialist of Non-Public Joint-Stock Company “Nasledie Kubani” (Krasnodar, Russian Federation); zai_ein@mail.ru

К статье *А.И. Бугарчева, О.В. Степанова* «Надчеканенные пулы XIV века из Иске-Казани»

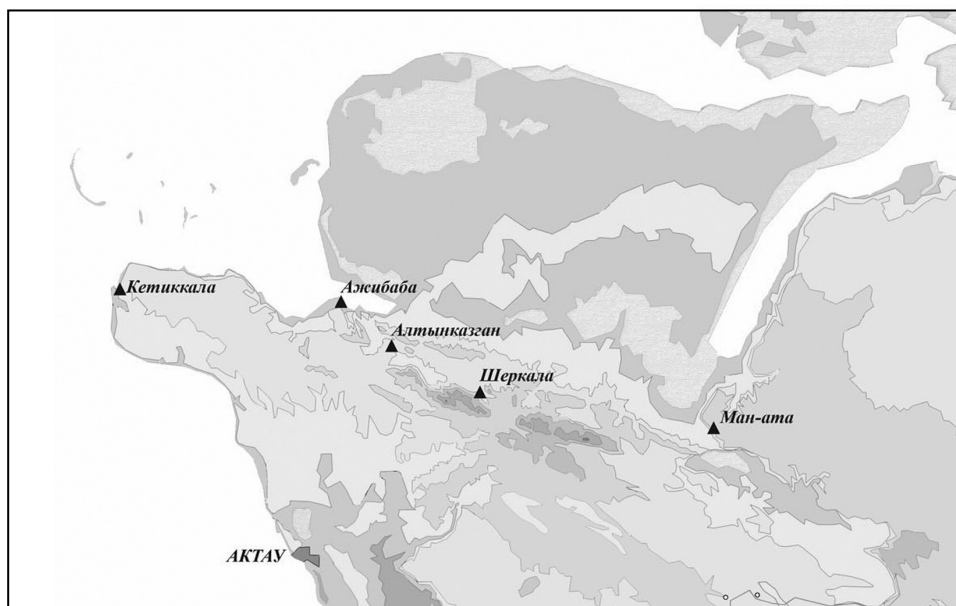
Медные монеты из находок с Иске-Казани

К статье *Е.М. Пигарева* «Редкие джучидские монеты с Селитренного городища»

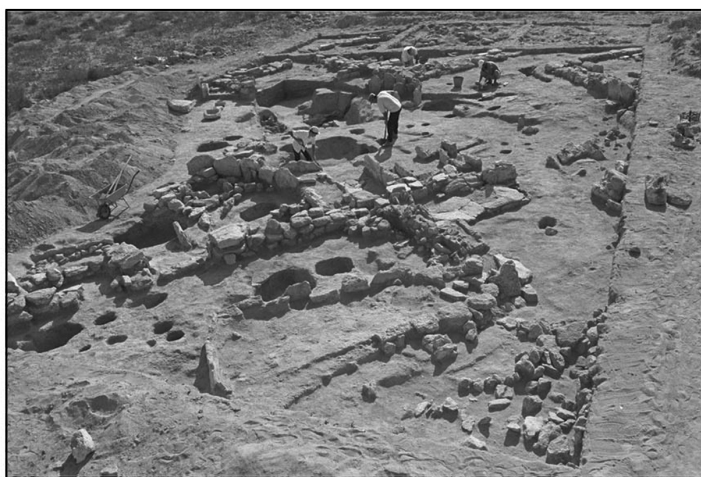

Медные монеты из находок на Селитренном городище

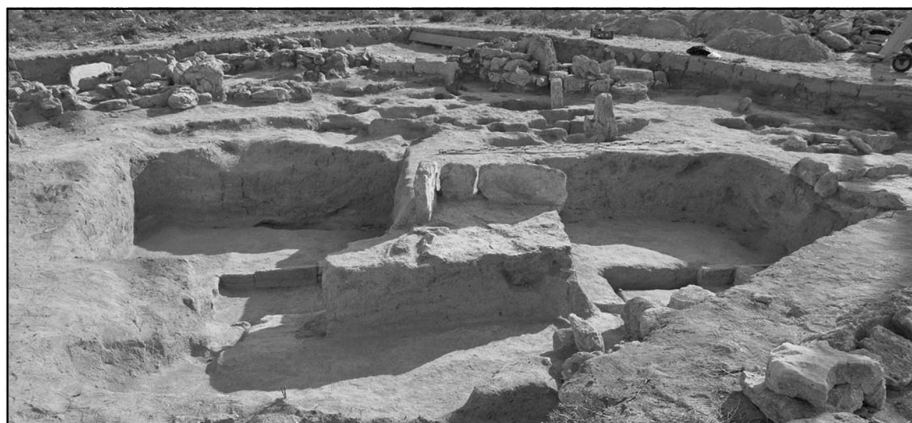
К статье *А.Е. Астафьева, П.Н. Петрова* «Полуостров Мангышлак в морском торговом сообщении эпохи Золотой Орды (археолого-нумизматическое исследование)»

1. Карта-схема расположения памятников эпохи Золотой Орды на территории п-ва Мангышлак

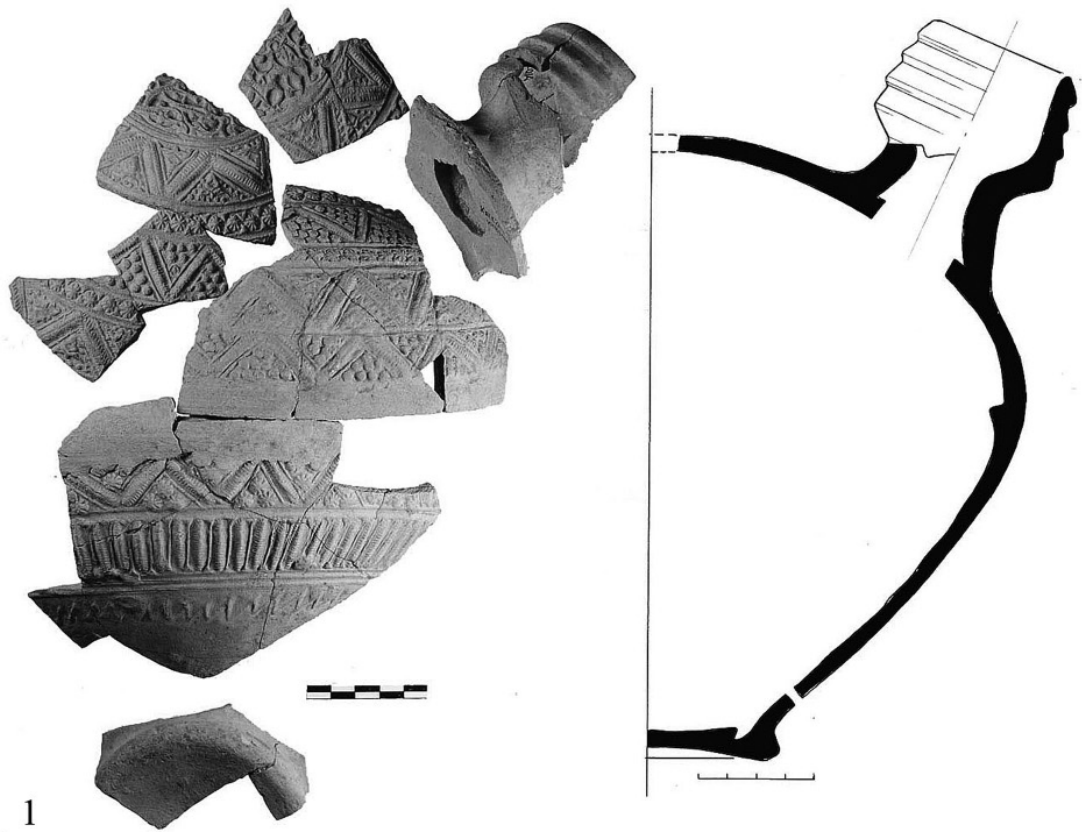
2. Остатки сооружений позднего строительного периода городища Кетиккала

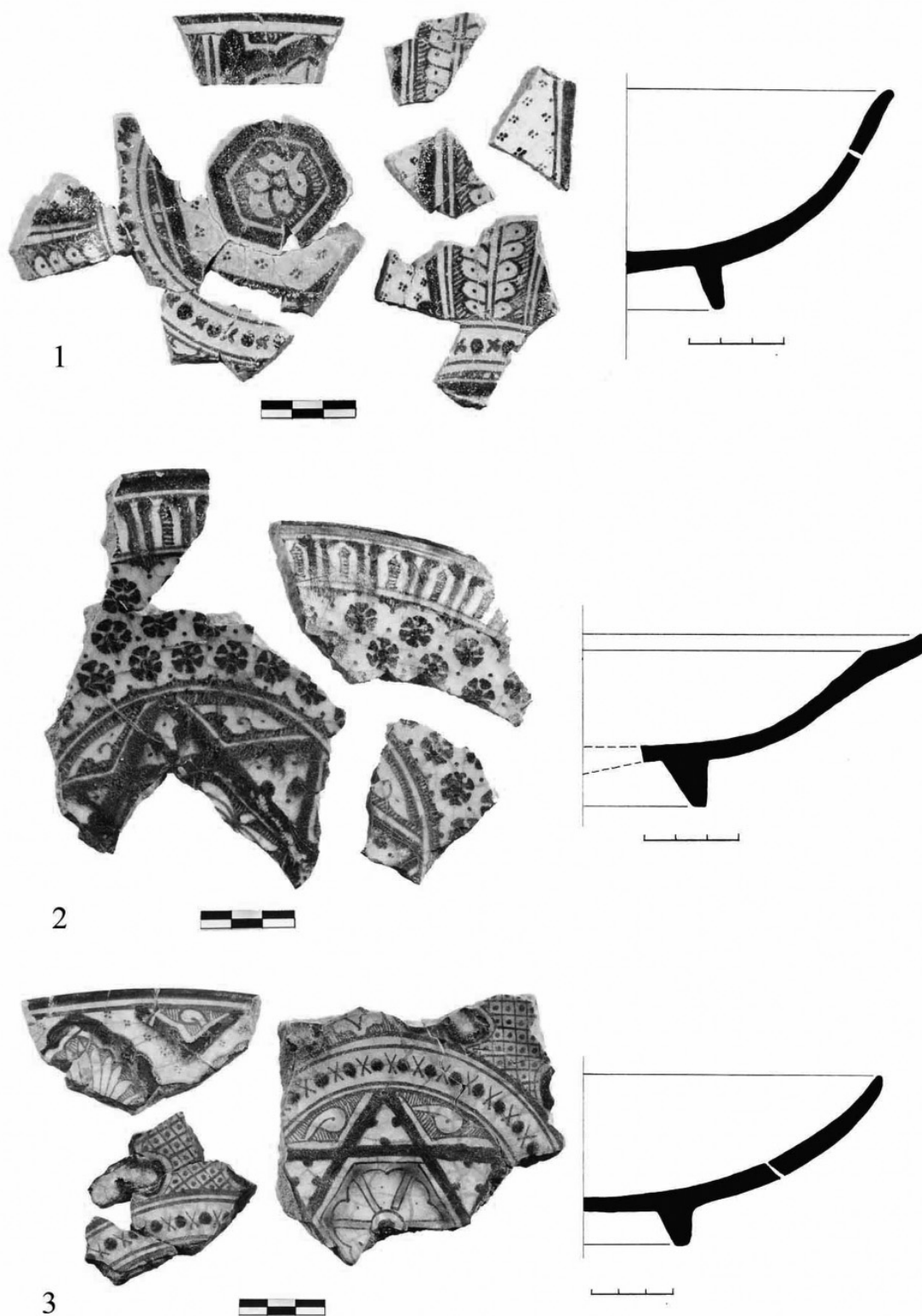
3. Остатки полуземлянок промежуточного строительного периода городища Кетиккала

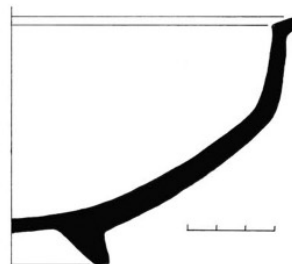
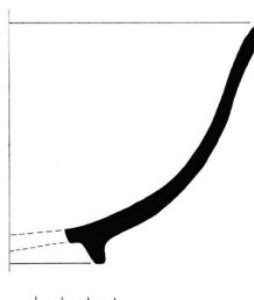
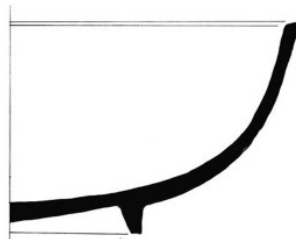
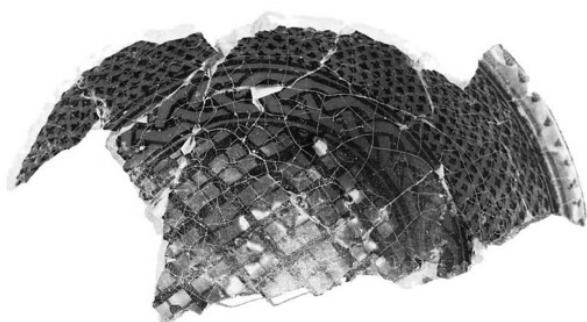
Фототаблица 13

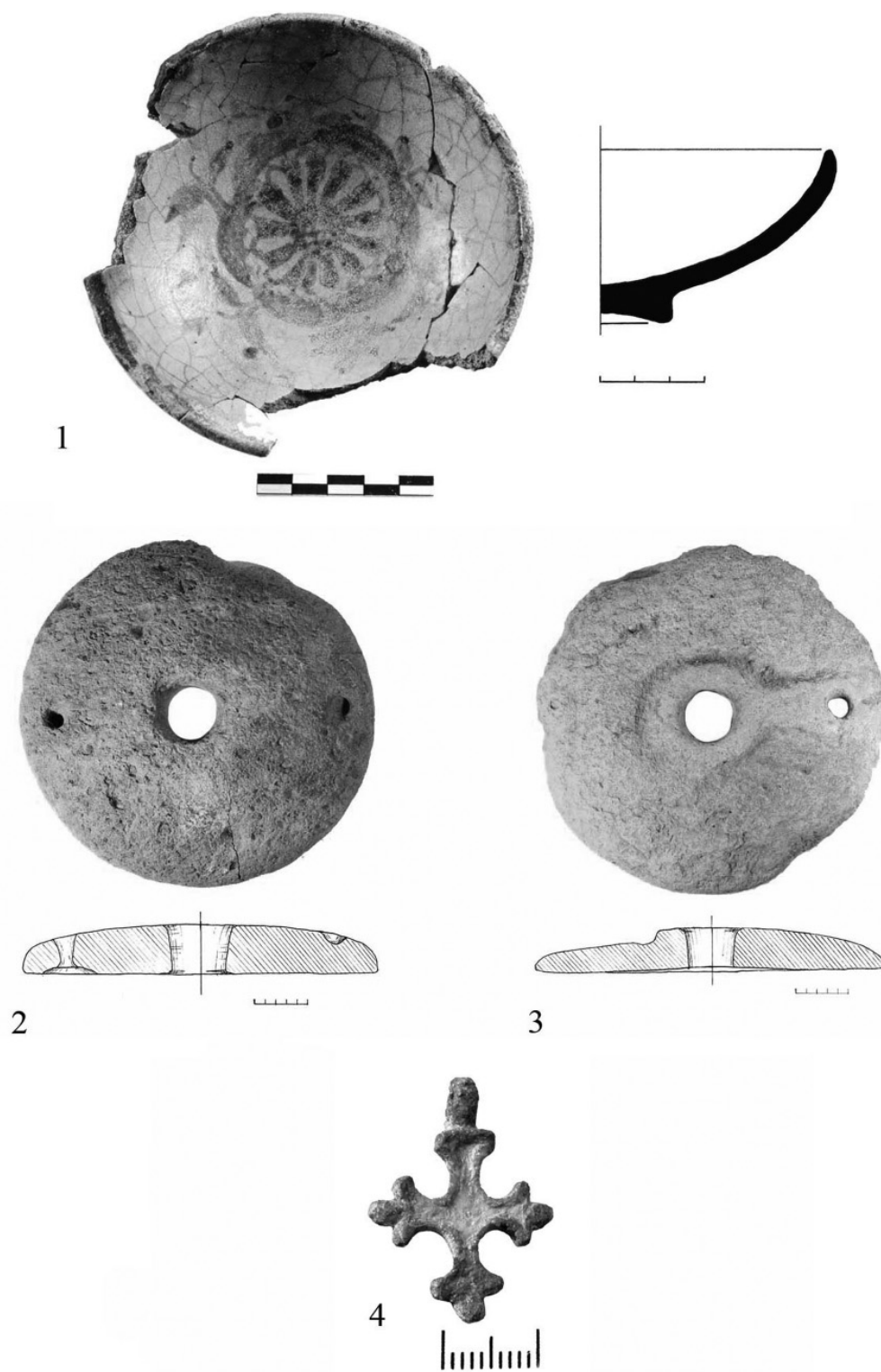
Фототаблица 14

Фототаблица 15

Фототаблица 16

Фототаблица 17

Караван-сарай Ман-ата

Алтынказган

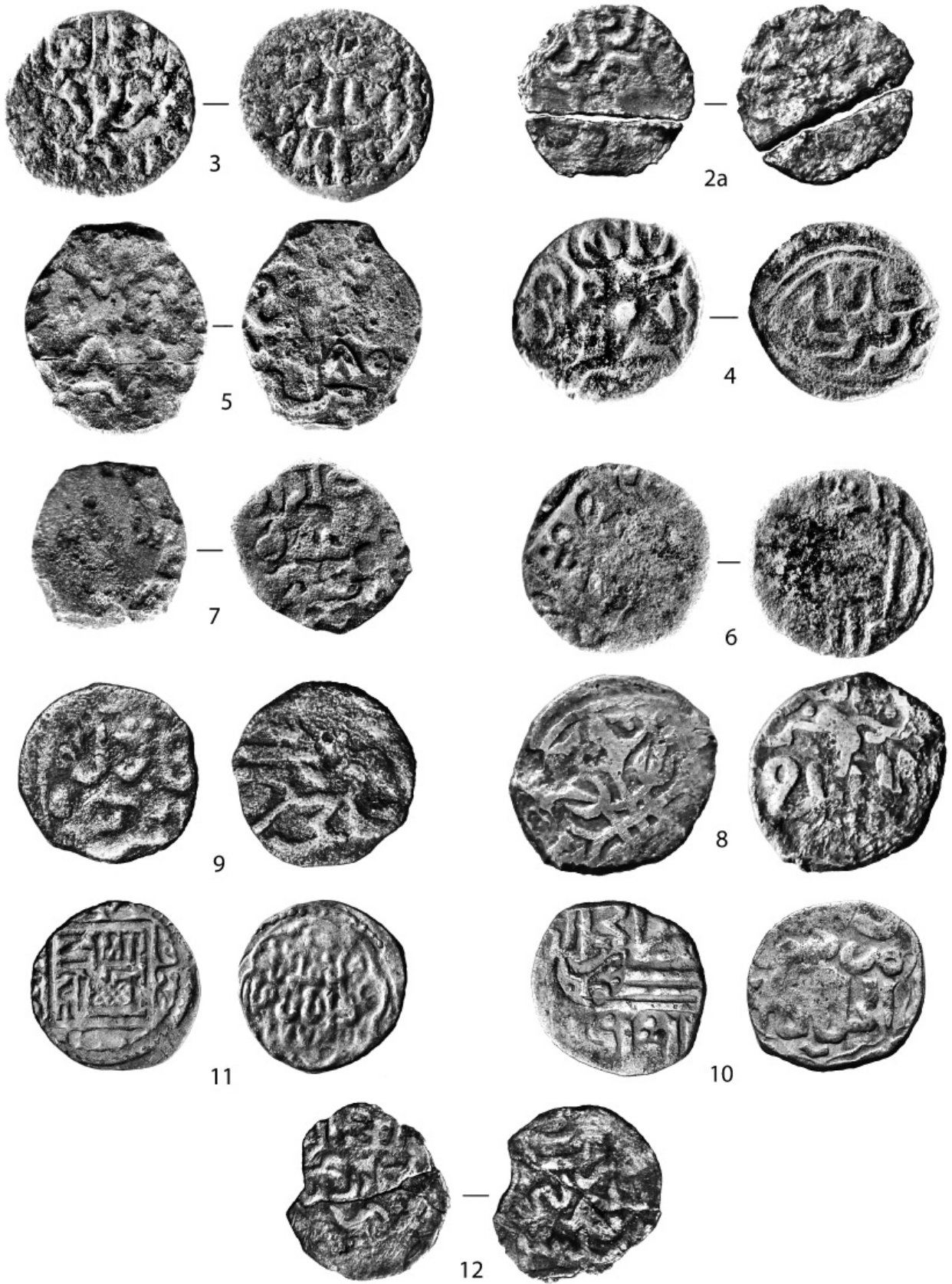
Шеркала

Кетиккала

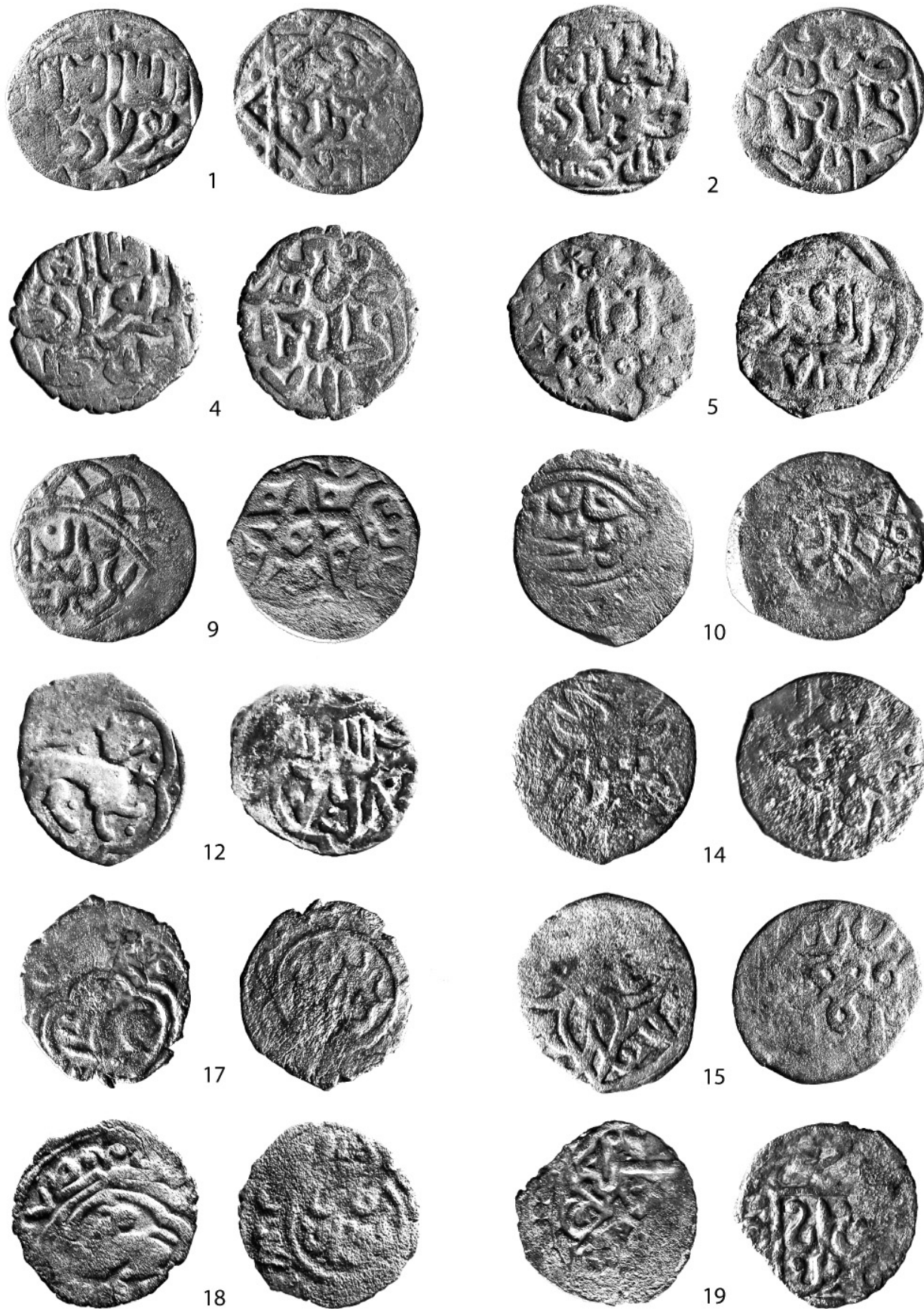

Кетиккала

Фототаблица 20

Ажбаба

Фототаблица 21

Ажбаба

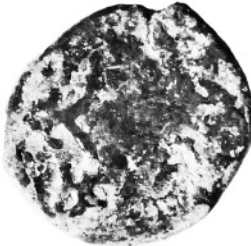
21

23

27

25

28

29

30

31

32

33

34

35

Ажбаба

36

37

38

39

40

41

42

43

44

45

46

47

48

49

50

51

52

53

54

55

56

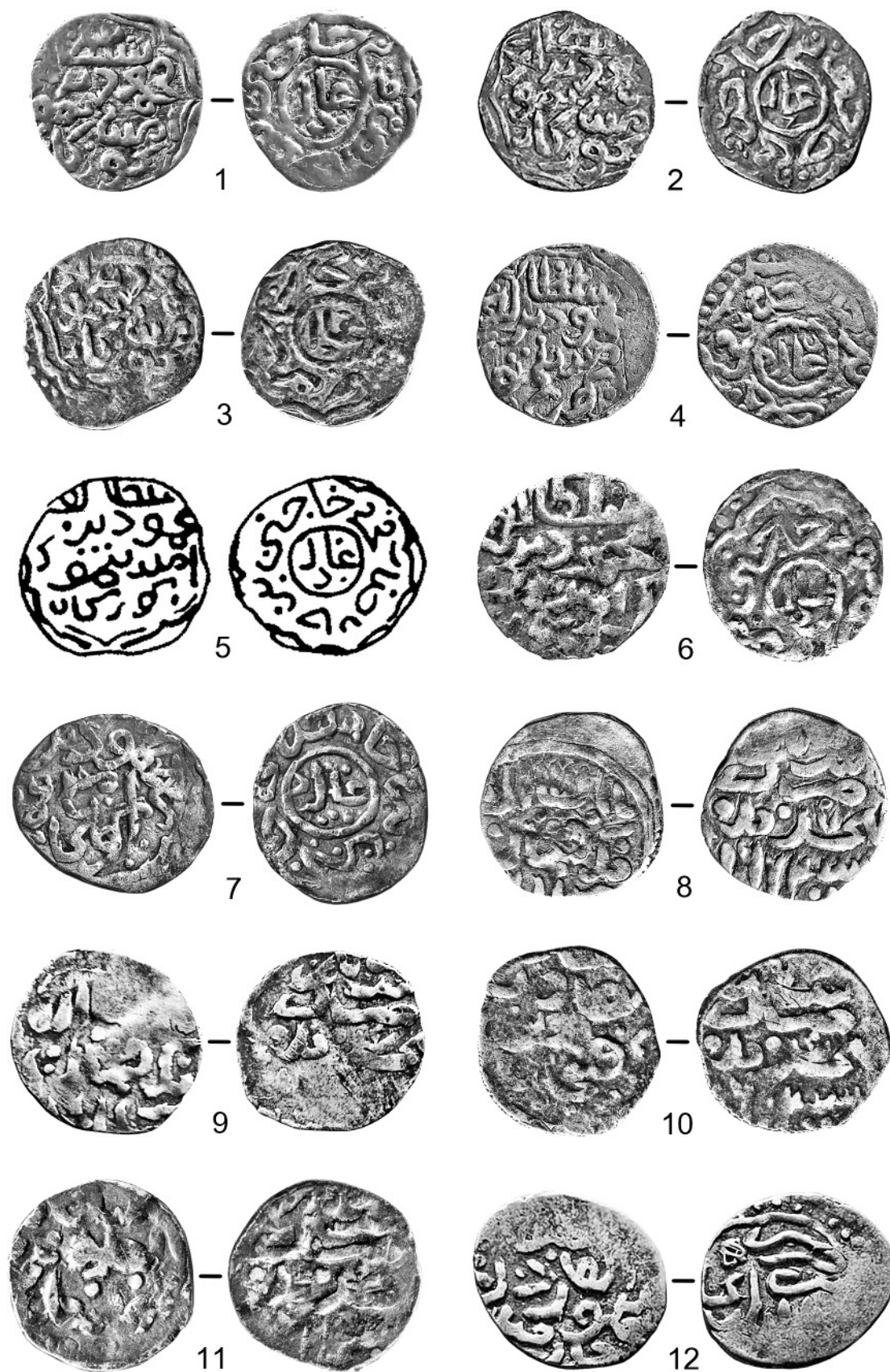
57

58

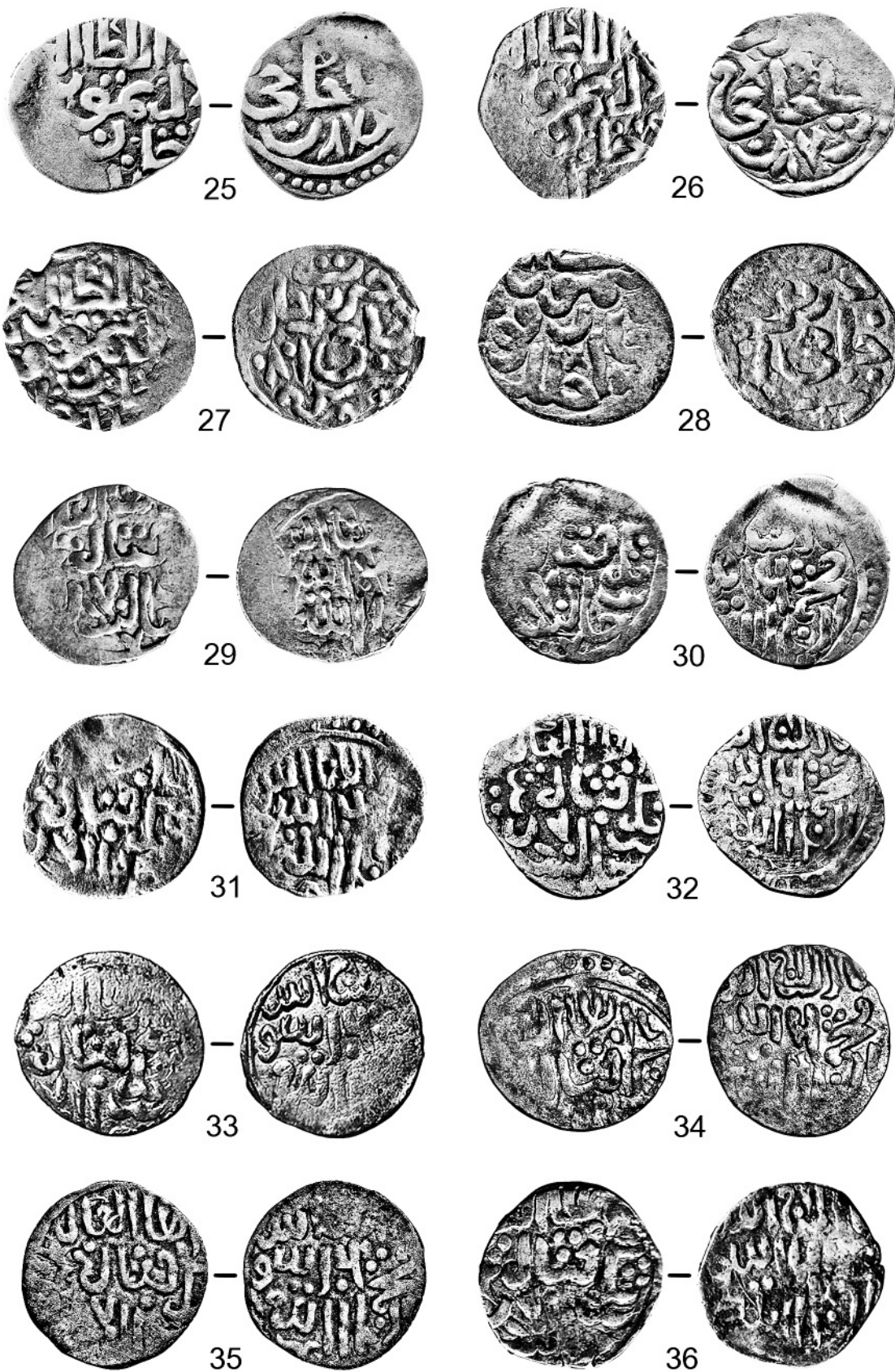
К статье Р.Ю. Савосты «Монеты Хаджи-Тархана и Сарая конца XIV века»

Фототаблица 25

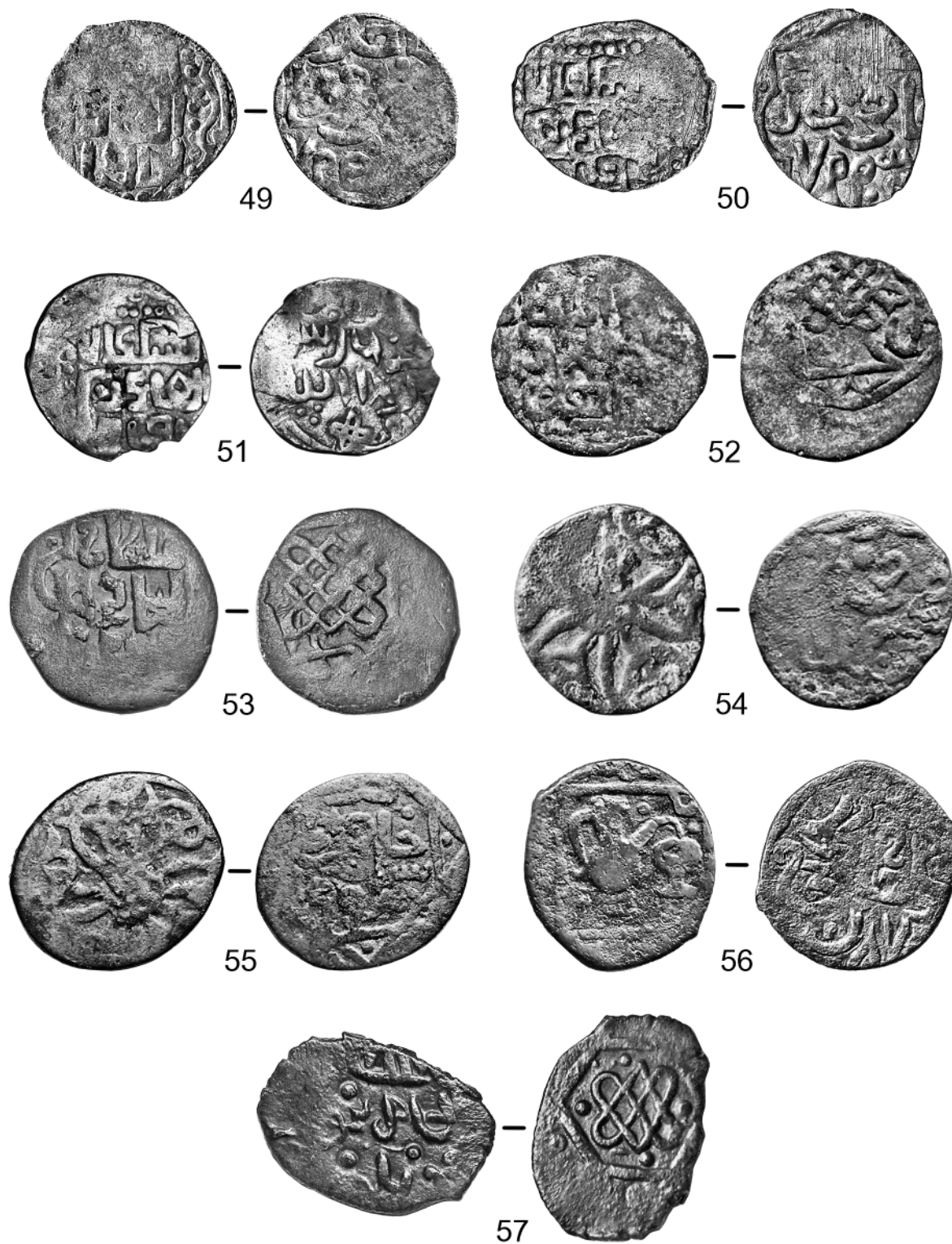
Фотогaблицa 26

Фототаблица 27

Фототаблица 28

1.

Описание собрания монет проф. Н.А. Толмачева
I. Мон. Хановъ Золотой Орды (Джучидский)

№	Описание	Мет.	число	
1.	Период 1180-1225г. — сметены Су-касирь лод-данг Аллага	Мон. Хан. н° 21 Т. А. н° II	Мид.	31.
2.	Бату-ханъ I, Менгу каанъ верховный II, М. Булгаръ	М. Х. н° 1 Т. VIII н° 3	Сер.	2
3.	— id. — Та-ре монета, но младшая	М. Х. н° 2 Т. А. н° III	Мид.	7
4.	— id. — Та-ре монета, но пережаканная № 1	М. Х. н° 22 Т. А. н° IV	Мид.	9
5.	Берке ханъ I, Ерикъ буга верховный II, М. Булгаръ	М. Х. н° 3 Т. X н° XXXIV	Сер.	3
6.	Мохтогу ханъ Мон. Богохранимого Сарая 710-1310г.	М. Х. н° 28 Т. I н° XV	Сер.	2
7.	Узбекъ-ханъ Мон. Сарая 717=1317, 18 г.	М. Х. н° 31 Т. I н° XXI	Сер.	1
8.	— idem — М. Сарая 721; 17 пудъ съ дельбой на об. ст. Печать Воловика рждк.	М. Х. н° 67 Т. II н° LVII	Мид.	6
9.	— idem — М. Богохраним. Сарая 722=1322, 3г.	М. Х. н° 38 Т. I н° XXVII	Сер.	2.
10.	— idem — М. Богохраним. Булгара 723=1323, 4.	М. Х. н° 40 Т. I н° XXIX	Сер.	1.
11.	— idem — М. Сарая 726=1325, 6. Всего Всего и 00 рд. Воег. зрлыкъ 16 пудъ рждк.	М. Х. н° 41 Т. I н° XXXI	Мид.	8.
12.	— idem — М. Сарая 727=1326, 7.	Под. М. Х. н° 42 Т. II н° XXXII	Сер.	1.
13.	— idem — Мон. Богохр. Булгара 731=1330, 1.	М. Х. н° 44 Т. II н° XXXIV	Сер.	2.
14.	— idem — М. Сарая 731 II, 16 пудъ дельбой	М. Х. н° 45 Т. X н° XXXV	Мид.	5
15.	— idem — М. Богохр. Булгара 732=1330, 2	М. Х. н° 46 —	Сер.	1.
16.	— idem — "Булгарский Пудъ" рд. Печ. Воловика 734г.	М. Х. н° 53 —	Мид.	41.
17.	— idem — "Пудъ Булгаръ" рд. — то же	М. Х. н° 54 Т. А. н° V	Мид.	25.
18.	— idem — М. Сарая 737=1336, 7. рждк.	Воег. р 219. н° 39.	Сер.	3.
19.	— idem — Левъ и солице II, Воег. зрлыкъ мон. Сарая 737.	М. Х. н° 56 Т. II н° XLVI	Мид.	94.
20.	— idem — Подоб. н° 19, но солице полное рждк.	М. Х. н° 57 Т. II н° XLVII	Мид.	4.
		Серебр.	Мид.	Всего
007/08 2 По страницам —		18.	230	248

9.

Перенес: 18 Сер + 230 Мид- Всего 248

№	Описание	Мет.	Число	
21.	— idem — Солнце съ поднятыми руками en face II, остаточный надписи; календарь: висок. армянск	Неудачная	Мид	1.
22.	Узбекский язык Павлия II, висок. армянск и нахичеванско Ф	М.Х.н. н°60	Мид	5.
23.	Друнидець Мон. Сарая Нов. 743=1342,3. илхана по-	М.Х.н°73 Т. III н° LX	Сер	2
24.	— монголским — Друнидець Мон. Сарая Нов. 745=1344,5 год: 𐰽- 𐰺	М.Х.н°103	Сер	1
25.	— idem — Мон. Сарая Нов. 745=1344,5 год: 𐰽 ^u 𐰺 ^v	неудачн. вариант	Сер.	1
26.	— idem — Мон. Сарая Нов. 746=1345,6	Revue p. 231 н°15	Сер.	3.
27.	— idem — Мон. Сарая Нов. 747=1346,7.	М.Х.н°79 Т. III н° LXIV	Сер	4.
28.	— idem — Мон. Сарая Нов. 748 =1347,8	М.Х.н°83 Т. III н° LXVI	Сер.	1
29.	— idem — Мон. Сарая ^{сохранившегося} 748 749 =1348,9	М.Х.н°85 Т. III н° LXVIII	Сер.	2
30.	— idem — Мон. Сарая Нов. 749 =1348,9.	Пог. М.Х.н°86 Т. III н° LXIX	Сер.	1.
31.	— idem — Мон. Мокши 751=1350,1. Пл. Соломона	М.Х.н°92 Т. X н° CXXII	Мид.	5
32.	— idem — Мон. Сарая Нов. 752=1351,2 ^{от ртук.}	М.Х.н°94 —	Сер.	2
33.	— idem — Мон. Гюлметана 752.	М.Х.н°96 Т. III н° LXXXII	Сер.	3.
34.	Ма-це мон. но ладная и в средине — старинная подделка		Мид.	1.
35.	— idem — Мон. Сарая Нов. 752 и, Ренцетив. цветочь	М.Х.н°97 Т. III н° LXXXIV	Мид	125.
36.	— idem — Мон. Сарая Нов. 753 =1352,3	М.Х.н°98 —	Сер.	1.
37.	— idem — Мон. Сарая Нов. 753 Ренцетив. цветочь	Ree. p. 244 н°60	Мид	1
38.	— idem — Мон. Харерия; треугольник; Сер ртук	М.Х.н°105 Т. III н° LXXXVIII	Мид	3
39.	— idem — Мон. Сарая Нов; год не сохранился ^{ртук}	—	Сер.	2
40.	— idem — Мон. Гюлметана; год не сохранился	—	Сер	1
по старинному Серсофр. —			Мид.	неого
24.			141.	165.

3.

Перенесен: 42 Сер + 371. Мнд: Всего: 413

№	Описание	Мет.	число
41.	Бурдибекъ ханъ М. Сарая Нов. 759 = 1358, 9.	М.Х. №110 TIV №XIII	Сер. 1
42.	Бурдибекъ ханъ М. Гюлметана 759 = 1358, 9.	М.Х. №111 T —	Сер. 3.
43.	Бурдибекъ ханъ М. города Гюлметана 760 = 1359.	М.Х. №114 TIV №XVIII	Сер. 2
44.	Курьна ханъ М. города Гюлметана 760 —	М.Х. №117 T. IV №L	Сер. 1
45.	Курьна ханъ М. города Гюлметана 761 = 1360	М.Х. №120.	Сер. 1
46.	Неуррузъ бекъ ханъ М. Сарая Нов. 761 = 1360, 1	М.Х. №124 TIV №CIII	Сер. 1.
47.	бегъ и жени хана (Курьна?) М. Сарая Нов. 761. вслучившийся цвѣтъ	М.Х. №163 T X — № CXXXIV	Мнд. 2.
48.	Хызръ ханъ Мон. гор. Гюлметана 761.	М.Х. №126 T. IV №CV	Сер. 1.
49.	— idem — Мон. Сарая Нов. 762 = 1361, 2	М.Х. №129.	Мнд. 72
50.	— idem — Мон. Гюлметана 762 = 1361, 2	М.Х. №133.	Мнд. 115.
51.	— idem — Ма-ше мон. копия города: ^и Аткъ правильно	М.Х. №134 T. IV №CX	Мнд. 2.
52.	— idem — Ма-ше мон. по годъ VCH ^{р. мерхад}	М.Х. №135	Мнд. 7
53.	— idem — Ма-ше мон., по годъ VCV ^{ошибочно}	М.Х. №136	Мнд. 3.
54.	— idem — Ма-ше мон. съ надписанной: „ханъ:“ ^{А:}	М.Х. №131	Мнд. 4
55.	Хызръ ханъ. — Мон. Харерма бер. года ^{Орель рѣдк.}	Reconno p. 268-0-	Мнд. 1.
56.	Милмуръ Ходра (правильно 1 миле. 762 = 1361 года) Мон. Сарая Нов. 762 = 1361 ^{Орель рѣдк.}	М.Х. №139 TIV №CXVI	Мнд. 1
57.	Моридъ ханъ (763-764) М. Гюлметана 764 Р. Левъ кан.	Ree. p. 295 №2	Мнд. 11.
58.	— idem — ма-ше мон. съ надписанной ^и	⊛ — киф. варианты	Мнд. 1
59.	Миръ Гургадъ ханъ М. Нов. Сарая 764 = 1362, 3. — рѣдкая	Мон. Хан. №155	Мнд. 2
по страницамъ — сер. 10 мнд. 221			всего: 231.

4

Перенос с сер. 52. Мид. 592 Всего: 654.

№	Описание	Мет.	число
60.	Абдуллах хань Мон. Ордо 770 = 1368,9 ср. ридк. МХ н° 171.	Сер.	1.
61.	Азиев хань Мон. Ашуга с надск. جز جزع „Азиев“ неид.	Мид.	2
62.	Туркунь Зей ханьша Сарая Нов. 773 = 1371,2. МХ н° 180 ТХ н° 333VI с надск. طغر „побьда.“ ридк.	Мид.	4.
63.	Тохтамышь М. Сарая Нов. 782 = 1380г. МХ н° 184.	Сер.	1.
64.	— idem — Сельджанская лошадь Ветерто, но по Nova Suppl. г. С. — монета Харерия ридк.	Nova Suppl. p. 113 n° 44a	Мид.
65.	— idem — М. Сарая 790 = 1388,9 надск. Ф В Укращения	Revue p. 408 n° 30	Мид.
66.	Гургаз хань (?) Мон. Буллара, до дилка (или хана ерто) Под. Ке р 370 n° 12	Сер.	1.
67.	Мухаммед хань с Тимур (Хей) г. М. Орду — Базара МХ н° 312 ТХ н° 333IX	Сер.	1.
68.	— idem — г. Мон. Хадри Терхана (Аефрахан) МХ — Ке р 386. 2	Сер.	1.
69.	Мухаммед хань (поджидий) в ирцу тамла М Ке р. 389. 20.	Сер.	5.
70.	Мон. Голштана 766 = 1364,5 в Δ В Двуглав. орелъ Nova Sup. p. 322 n° 181	Мид.	1.
<u>Документы неопределенных монет</u>			
71.	А в четырехпольный В „Султан правосудий“ МХ н° 375 ТХ н° 333XVI	Сер.	2
72.	А в трехпольный В „Будь едетлив! Новый Тур“ МХ н° 381 ТХ н° 333XXVI	Мид.	77.
73.	Левь на радиль когаль В „Будь едетлив! Огень ридк“ МХ н° 382 ТХ н° 333XXVII	Мид.	2
74.	Фигура раздлевшая на 9 частей В „Мон. Буллара“ МХ н° 374 ТХ н° 333XXV	Мид.	45.
75.	Титиза направо В „Будь едетлив! Новый Тур“ ридк. МХ н° 383 ТХ н° 333XXVIII	Мид.	1.
76.	Кувшин и чаша В „Мон. Сарая — ридк.“ МХ н° 385 ТХ н° 333XL	Мид.	1.
77.	Двуглавый орел В Мон. Сарая; 16 денег МХ н° 387 ТХ н° 333XLII	Мид.	326.
78.	Двуглавый орел В Непонятная надпись МХ н° 401 ТХ н° 333LXXVII	Мид.	7
по старинным: сер.: 12. Мид.: 468		Всего: 480	

Перенос: серебр. 64. Мад. 1060; Всего: 1124

№ -	Описание	мет.	число
79.	Av. Алм - R. непонятная надпись	М.Х. № 404 Таб. VI № ССР. LXXXVII	Мад 6.
80.	Av. R. в кругу тама	- не описана -	Сер. 1.
81.	Av. Цветовъ R. в четверугольномъ	- не описана -	Сер. 1.
82.	Av. Крестъ в кругу; в углахъ точки R.	- не описана -	Сер. 1.
83.	Украшение в видѣ точки. R. и точки	- не описана -	Сер. 2
84.	Летающая на л. птица R. Надпись и надписания (надпись не сохранилась)	- не описана -	Мад 1.
85.	Тетверное (звезд?) напр. R. Остатки надписи и	- не описана -	Мад 1.
86.	Что-то вродѣ печати Салмана R. Неразборчивая надпись - не описана	- не описана -	Мад 1.
87.	Цветовъ R. Остатки надписи (кажется мон. Орда)	- не описана -	Мад 1.
88.	Av. Не ясно. R. Мон. Орда высочайшей	- не описана -	Мад 1.
89.	Av. Фигура вродѣ цветика R. непонятная надпись	- не описана -	Мад 1.
90.	Подраженіе византийскаго монеты, вродѣ Българскаго - не описана	- не описана -	Мад 2
91.	9 плохо сохр. вродѣ дирхем. мон.; но типъ котораго не вѣдомо до сихъ поръ	- не описана -	Мад 9.
92.	Българское подраженіе Салманскому дирхему	Мон. дир. р. 51. № 1.	Мад. 1.
93.	R. : очень маленькая рѣди.	Луг. М.Х. VII по ССХСVII	Сер. 1.
Итого: дирхемскихъ: серебр. 71. Мад.: 1148. + 21 = 1169			
94.	Половина Аббасидскаго дирхема; ни годъ ни городъ не сохранились	1219 дирхемъ + 21 ----- 1240.	Сер. 1.
(95) № 4.	настоящей описи Дирхем. Бату хана -	-----	Мад. 21.)

6.

II. Различные монеты

Перенос: серебр. 72. мид 1269 всего: 1241

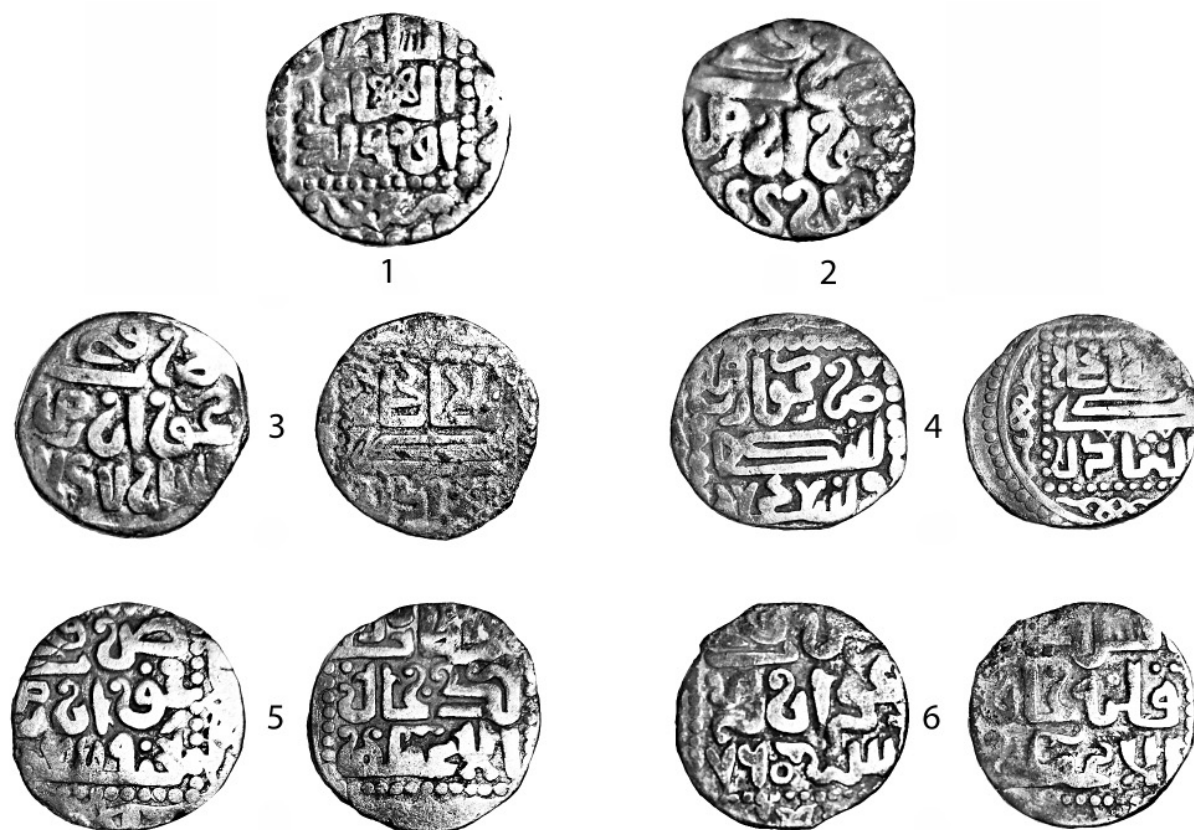
№	Описание	Мет	число
96.	Греческая Колхида Обол. 1, голова Аюша(?) нагр II, голова бога - 2 варианта итталтеди	Ср.	2
97.	- " - Понтий и Азияция 1, Голова Паллады II, Персей AMI-ΣΟΥ и маюрешиа IX	Бр.	1.
98.	- " - Понтий и Босфоръ Царь Савроматъ II 174 - 211 по Р.Х. 1, голова царя II, вь вьникъ MN	Бр.	1
99.	- " - Понтий и Босфоръ Ц. Савроматъ II II, Орелъ на лво	Бр.	1.
100.	- " - Понтий и Босфоръ Ц. Ремиориеъ VII. 1, голова царя II, голова императора и к-х=620=320г.	Бр.	1.
101.	- " - В. Тракия Неаполь Менелая голова кал. II, Минотавръ на пр. надъ килия летящая Пиджа	Бр.	1.
102.	- " - Египетъ Птолемеи - Голова Аммона II, Орелъ кал.	Бр.	1.
103.	Римск. Коинтисек. денъ Titulia Мексиза голова нагр II, Пеласъ кал.	Ср.	1.
104.	Рим. Улт. Адрианъ II, SALVS AVG - Столпиза богиня здоровья	Ср.	1
105.	Рим. Улт. Коинтантинъ младшій II, вь вьникъ VOT II X. крикомъ: CAESARVM NOSTRORVM RT	Бр.	1
106.	Рим Улт. Юлианъ Стетурниинъ II, SAECVRITAS REIP. Гьилъ Аммелъ нагр. позъ килия NIKB. ртгн. (собственно билионъ)	Бр.	1
107.	Рим. Улт. Валентъ SAECVRITAS REIPVBLICE Победа на лво	Мид.	2
108.	Персид Сасанидъ Сапоръ II(?) Драхма отшливо сьранил. опред. не сдлано	Ср.	1.
109.	Бувайица Рокмъ-ад-даула дирхам.	Ср.	2.
110.	Бувайица Булалидъ - Абду Селемъ 2 варианта	Мид.	2
111.	Булалидъ Ану-Ширванъ	Мид. Кан XV. n° V. n° 459	1
112.	4 пико сьранившисья булалидескя монеты - различия	Мид.	4
113.	Вьрояино Дралайтиская мон. Ан II Кусидская надпись	Мид.	1
114.	Россія Царь Владиславъ Великий - котина ртгн.	Ср.	1.
Итого по сьранимъ: сер 8 мидн. 17 - всего 25			

7

Период: серебр.: 80. мiedz.: 1194 всего 1274

№	Описание	Мет.	Число
115.	Росей Ц. Михаилъ Сеодоровичъ — юпийна	Сер.	3.
116.	Росей Ц. Петръ Алексеевичъ - Деяна *ац. 1705.	Мед.	1.
117.	Росей Елизавета Петровна — Четвертая 1747. ммд.	Сер.	1.
118.	Польша Сигизмундъ III вироши (15) 96 кш. в Мариенбургъ (довольно ридна.)	Сер.	1.
119.	Польша г. Данцигъ Сртъ (18рош) 16-25. Сигизмунда III	Сер.	1.
120.	Польша Август III Поштараш 1755 года	Мед.	1.
Всего: сер. 86 мiedz. 1196 всего 1282			
Кромя того:			
6 серебряныхъ африкескихъ совершенно негодныхъ —		Сер.	7
и одна серебряная юпийна Петра I ^{го}			
мiedzевъ африкескихъ, русскихъ и др. етерныхъ —		Мед.	412.
а) Верхняя юпей емаринго натильнаго креста найденна в Болгария в 1858 году. — (мiedz.)			
в) юпейно обломковъ болгарского герма — (мiedz.)			
с) найденный етраты (найден 1877г. в Неберри. Моривашка) (мiedz.)			
Мз. Вирнаев мiedzев в поземид монет. № 1 не 31, а 21 мiedzев, а помяну юпей монет серебр. 86 мiedz 1186 всего 1272			

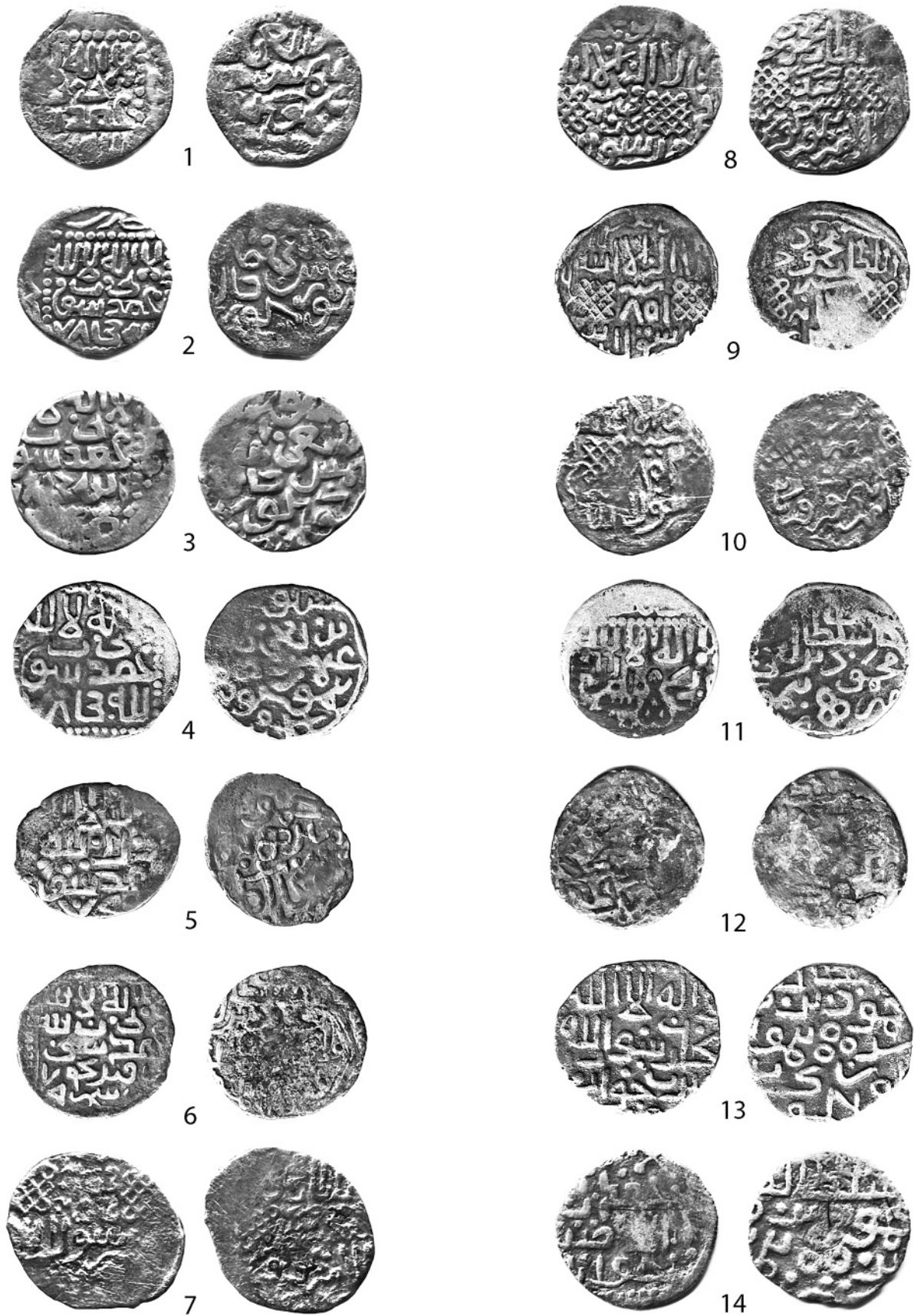
К статье Д. Довуди «Находки джучидских и чагатаидских монет в Таджикистане»

Серебряные джучидские данги Хорезма из к. Гуйрот Хисарского р-она:
1 – Узбек хан; 2 – Джанибек 744 г.х.; 3 – Джанибек 747 г.х.; 4 – Джанибек 747 г.х.;
5 – Бирдибек 759 г.х.; 6 – Кулла 760 г.х.

Серебряные чагатаидские динары из клада в Дангарах:
1 – анонимный, термез, 729 г.х.; 2 – [Тарма]ширин, [Бухара, 732 г.х.]; 3 – Йесун-Тимур, Термез, 737 г.х.

Фототаблица 38

15

21

16

22

17

23

18

24

19

25

20

26

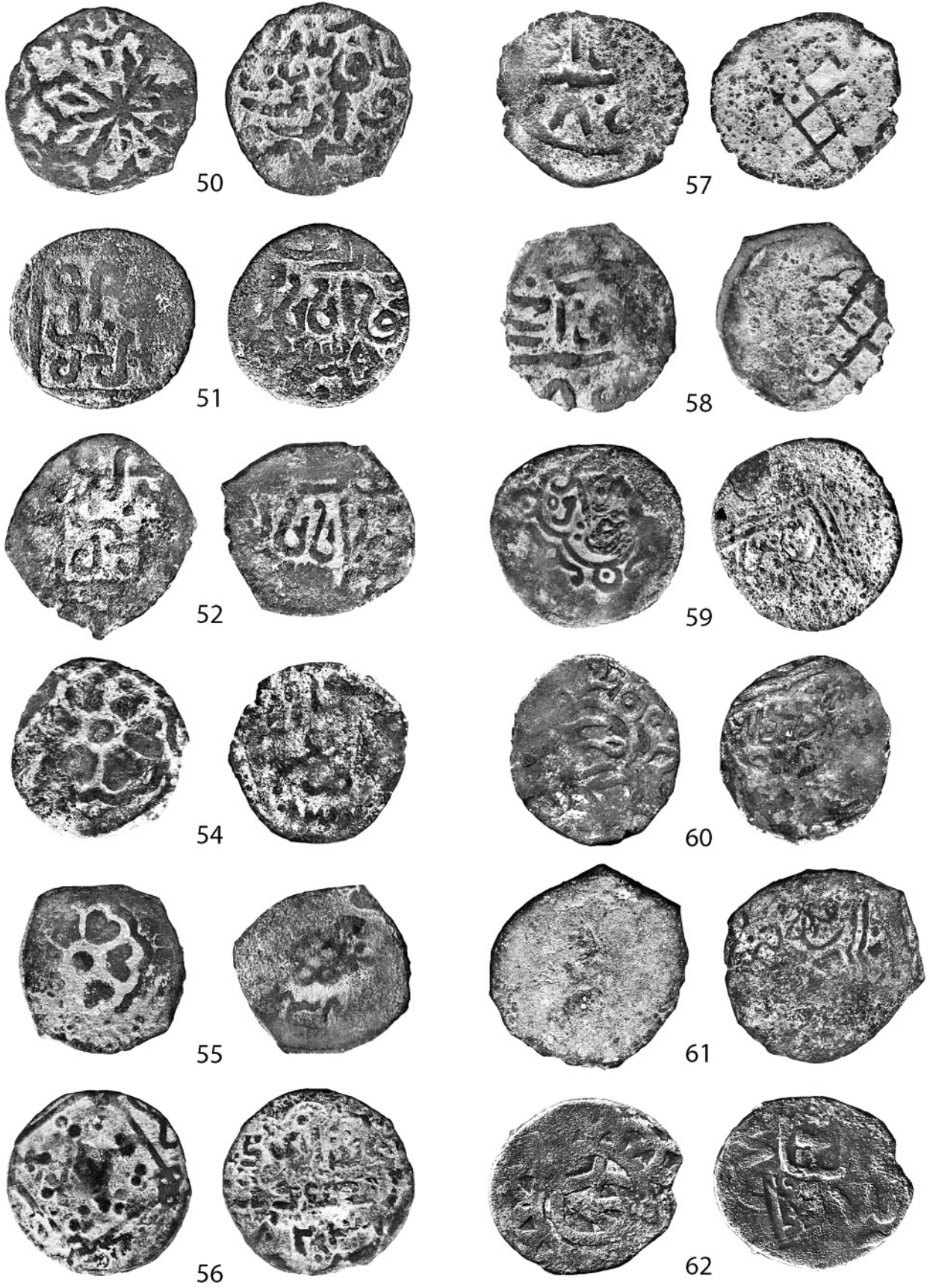

Фототаблица 40

Фотогaблицa 41

Фотогaблицa 42

Монеты из Безлюдовского клада 1930 г., изображение которых ранее не публиковалось в составе клада

ЭПИГРАФИКА

К статье Э.Г. Сайфетдиновой «Судьба золотоордынской принцессы Тулунбай по данным средневековых арабских сочинений»

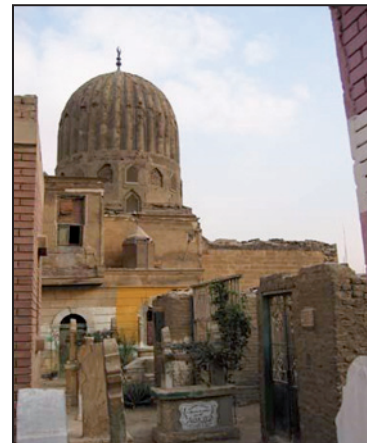

Рис.1

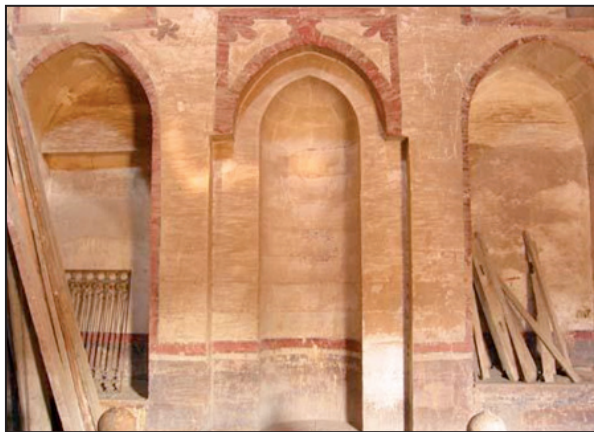

Рис.2

Рис.3

Рис.4

К статье *А.М. Гайнутдинова* «Эпитафия на памятнике Исенея Яушева:
источниковедческий анализ»

К статье *И.М. Миргалеева* «Старокалмашевская надмогильная плита
и вопросы этнической интерпретации населения Приуралья в средние века»

К статье *Д.Г. Мухаметишина* «Возникновение традиции установления булгаро-татарских намогильных памятников. Дрожжановский район РТ»

Фото 1. Нижнее Чекурское кладбище. Деревянный памятник

Фото 2. Нижнее Чекурское кладбище. Памятник Биби-Фатимы Шигабутдиновой

Фото 3. Нижнее Чекурское кладбище. Памятник из круглого камня

Фото 4. Нижнее Чекурское кладбище.
Памятник – фрагмент мельничного жернова

Фото 5. Эпитафия из с. Татарские Тюки

Фото 6. Памятная доска.
Старошаймурзинском кладбище

Фото 7. Эпитафия Мир-Гарифана.
Старошаймурзинское кладбище

Фото 8. Эпитафия Мир-Гарифана. Боковая сторона

Фото 9. Кладбище с. Малая Цильна.
Памятник Шарифжана Салихова

Фото 10. Кладбище с. Малая Цильна.
Памятник Салимхана Сал(ихова)

Фото 11. Кладбище с. Старые Чукалы. Эпитафия Хуснуллы бин Габдельнаиба

Фото 12. Кладбище с. Старые Чукалы. Боковая сторона эпитафия Хуснуллы бин Габдельнаиба

Фото 13. Кладбище с. Татарская Бездна. Эпитафия 1878 г.

Фото 14. Татарская Бездна. Руны на камне

Фото 15. Кладбище с. Верхний Каракитан. Камень на могиле предков

К статье *И.В. Зайцева* «Надгробие Худайкула (Петра) в Московском Кремле»

Склеп царевича Худайкула-Петра (современная фотография автора)

Вид современного кладбища д. Пушняцкая Тобольского района Тюменской области

Вид современного кладбища д. Юрты Сабанакровские Тобольского района Тюменской области Тюменской области

Вид современного кладбища д. Комарова Тобольского района Тюменской области

Намогильная плита с Ханского кладбища близ городища Искер. Экспонируется в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике

Намогильная плита.
Кладбище д. Тармакуль Новосибирской области

Намогильное сооружение киртмя. Кладбище д. Тармакуль Новосибирской области

Современные надгильные плиты. Кладбище д. Тармакуль Новосибирской области

К статье *М.А. Усеинова* «Старокрымские мусульманские надмогильные памятники золотоордынского периода (на примере подтипа в форме восьмигранной призмы без фигурного навершия)»

Рис. 1. Восьмигранные памятники с фигурным навершием

Рис. 2. Общий вид вертикального восьмигранного надгробия без фигурного навершия

Рис. 3. Четырехгранное основание, украшенное розеткой

Рис. 4. Примеры оформления граней восьмигранника

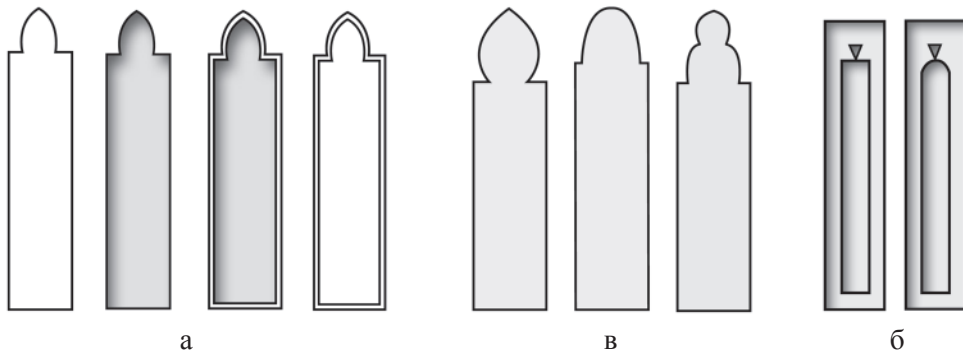

Рис. 5. Фигуры, используемые при оформлении граней восьмигранной призмы

Рис. 6. Изображение лампы и свечи в подсвечнике

Рис. 7. Надпись с надгробия, изображенного на рис. 2*в*

Рис. 8. Надпись с надгробия, изображенного на рис. 2*а*

Рис. 9. Современное состояние фрагмента надгробия и фото из археологической экспедиции 20-х гг. XX века с этим же надгробием (первое слева). Фото из фондов БИКАМЗ № 113

Рис. 10. Орнамент на надгробиях без текста

Рис. 11. Варианты оформления верхней части восьмигранной тумбы

Рис. 12. Оформление верхней грани восьмигранной тумбы

Рис. 13. Вид сверху на восьмигранники без фигурного навершия с выемкой